

С. Ю. Сапрыкин

ЭНКМИЙ ИЗ ПАНТИКАПЕЯ И ПОЛОЖЕНИЕ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА В КОНЦЕ I – НАЧАЛЕ II в. н.э.

Правление боспорского царя Савромата I (93–123 гг. н.э.) не избаловано вниманием письменных источников. Несмотря на его долгое и блестящее царствование, мы располагаем о нем в основном разрозненными данными надписей, по большей части фрагментарных, и обилием монетных серий¹. Сами по себе монеты рассказывают о времени и событиях царствования Савромата очень приблизительно, смысл их типологии раскрывается только тогда, когда на помощь привлекаются надписи этого царя. Однако большинство их сведений очень противоречивы из-за крайней лаконичности и фрагментарности, поэтому до сих пор трудно увязать их показания с типологией монет царя. Затруднительно было также согласовать имеющиеся сведения о военных кампаниях Савромата и его отца, царя Рескупорида I, о которых скудно сообщают надписи. Поэтому находка в Пантикапее важнейшего эпиграфического памятника – энкомия неизвестного по имени деятеля эпохи правления Савромата I с подробными сведениями о внешней политике, военном деле, отношениях с Херсонесом, Римской империей и варварами, позволяет по новому взглянуть на события из истории Боспора на рубеже I–II вв. н.э., дать разумное объяснение некоторым надписям, вызывавшим у исследователей большие разногласия (рис. 1 – вклейка).

Впервые Ю.Г. Виноградов ознакомил меня с этой надписью в 1990 г. по фотографии, но тогда она еще не была прочитана. Впоследствии он дал мне ее текст с восстановлениями лакун, исправлениями и коррекцией чтения, чтобы я мог использовать его в статьях о Боспорском царстве при Савромате I². Учитывая огромную важность этого замечательного эпиграфического документа для истории Боспорского царства и считая необходимым как можно скорее познакомить ученых коллег с его содержанием, а также осознавая долг перед безвременно ушедшим от нас эпиграфистом, и как человек, уже пользовавшийся им в его чтении и с его же разрешения, я посчитал важным представить полный текст надписи в том виде, в каком она прочитана и восстановлена Ю.Г. Виноградовым. Мною сделаны только незначительные поправки в дополнениях к тексту и перевод, в работе над которым я пользовался любезной помощью Г.А. Тароняна, за что приношу ему искреннюю благодарность.

¹ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 103–108; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Ч. I. М., 1997. С. 118–135.

² Сапрыкин С.Ю. Плиний Младший и Северное Причерноморье // ВДИ. 1998. 1. С. 202.

Верхняя и правая части надписи обломаны практически полностью, поэтому установить, сколько строчек текста пропало сверху и сколько букв утрачено справа не представляется возможным. Линия скола прошла неровно по поверхности камня как бы углом, так что нижняя его половина оказалась шире верхней. Очевидно, высота лежавшей в земле плиты была больше, нежели сейчас, о чем говорит свежий скол сверху. По всей видимости, камень был расколот экскаватором, с помощью которого производились работы на этом участке. А фрагменты отбитой верхней части найдены не были, так как их вывезли вместе с землей.

Мраморная плита, судя по слабо поврежденным левой и нижней сторонам с нетронутой резчиком поверхностью, являлась вставкой в наиск или эдикулу большого погребального монумента. Об этом свидетельствуют остатки пазов-пилонных для крепления железными или свинцовыми скобами к стенкам саркофага или надгробного памятника, хорошо заметные с левой стороны и внизу. Плита могла крепиться к другой плите, где было начало надгробной надписи. А то, что строка 47 являлась последней на камне, поскольку под ней отчетливо заметна нетронутая поверхность, указывает на существовавший в древности третий камень уже с окончанием всего текста. Все три плиты скреплялись друг с другом и могли быть вставлены во внутреннее углубление большого надгробного комплекса или саркофага. Не исключено, что погребальный комплекс увенчивала статуя погребенного, а сохранившийся фрагмент являлся средней частью большого текста, повествовавшего о его заслугах.

Перевод: «.....страстно желая.....остался (без) всадников..... (разрушая) строй, он, подобный бушующей (реке), сокрушая все, что нападало на него как (несущийся?) поток..... благодаря личной доблести и счастьем царя..... и тогдашний цезарь, находясь....., услышал о великом (и..... и при) решении дел порицал вину.... и письмом пригласил к цезарю, (который), одоблив (происходящее), побудив к этому на будущее..... и царям аланов за (вину их ?) счел нужным определить (справедливое наказание?). Ведь когда (выявляются) важные дела, то они привлекают тех, кто вблизи, а когда они не выявляются, то они их беспокоят.... он, (после того как) цезарь увидел его таким, каким он о нем услышал, был почтен (цезарем за эти дела) и, (оказав содействие) нынешнему владыке Великому царю (Савромату), покинув более великого государя. (совершил военный поход на скифов) через Таврику. Когда он достиг Херсонеса, (попались ему навстречу? цари, которые) пришли для заключения союза с аланами, которых (он от этих надежд) отвратил. И когда он еще собирал (войско и) собирался отправиться в поход (на скифов), случилось ему (получить) от царей, что они клянутся (богами) в верности (и союзе). Ведь великий герой приложил серьезные старания.... его же славное счастье царя.... (ведь оно?) к большому возвеличило его своим содействием..... (ведь так) кентавр Хирон (воспитал) великого (героя) Ахилла, побудив, думаю, таким же образом, (как сам он воспитал владыку), ставшего (великим) царем Савроматом..... (и) с доблестным почетом, должным, господина (своего .....от Геракла) и Посейдона происходящего, и не только (учил благородным делам, возвеличил) и воспитал, но и (побудил воспитуемого), определив ему заботу по отношению к псеханам (.....) вел войну со скифами, подчинил тавров и, изменив (положение), их дерзость и (необузданный?) образ мыслей обратил в (большой) страх (так, что) необходимость стала претерпеванием, война (- миром), а слово - средством убеждения, всем этим он украсил себя. (Ведь против тех, кто) оказывался его

противниками, он был очень воинственным, по отношению к подчиненным (благожелательным), для повинующихся – законом! За что у него были заслуженные знаки отличия (великодушия) и благодарности: хилиархии и золотые (награды войска), и авангард Фракийского отряда, и командование (строем) гоплитов, украшающее и преумножающее того, кто доверил, и делающее достойным похвалы того, кто этим доверием пользовался. Даже этот весьма умеренно сделанный перечень заслуг в выборочном сочетании показывает восхваляемого достойным любви, вследствие чего доблесть со всеми милостями сохранила для него в полной мере счастье, а также счастливейшее и для всех желанное (украшение) царства. Быть великим, не будучи надменным, а со скромностью считая благоволение царя для себя приобретением – это желанно. Всегда он оказывался все более и более великим, испытывая юношеское удовольствие во все годы, и вместе с тем рассудительный и воинственно поставивший себя законом для всех тех окружающих племен, которые живут у Меситиды и знают истоки...».

* * *

Прежде чем перейти к комментированию и анализу документа, хотелось бы предложить некоторые конъектуры, на наш взгляд, более удачные: стк. 22 – συναρσμένη[v...]; стк. 24 – τρόλ[αίον...], т.е. «...побудив его думать об обращении врагов в бегство...»; стк. 39 – ὁ γὰρ ἐπ[ὶ αὐτὸν λο]γισμός. Анализ надписи сделан в основном по сохранившемуся на плите тексту, хотя, решив оставить дополнения Ю.Г. Виноградова, прекрасно понимаю, что если бы ему удалось окончательно доработать текст, он бы наверняка что-то изменил и от чего-то отказался. Судя по восстановлениям, Ю.Г. Виноградов исходил из того, что последние строки дошли практически полностью, если не считать утраты одной-двух букв в трех заключительных строчках. Это вполне вероятно, тогда в верхней и средней частях плиты потеряно приблизительно от 20 до 27–28 букв. В таком случае в каждой строке было около 50–53 букв. По палеографическим признакам надпись датируется II в. н.э., причем первой половиной или даже первой четвертью столетия. Об этом свидетельствуют отдельные формы букв, характерные еще для конца I в. н.э. Например, *тетта* с очень короткой поперечной внутренней гаской, больше свойственной этой букве именно на рубеже I–II вв. н.э., нежели во II в. н.э.; это и среднего размера *омикрон*, встречающаяся в надписях конца I – начала II в. н.э., *фи* со слегка суженной окружностью и длинной вертикальной гаской, *альфа* и *дельта* с выступающими верхними апексами боковых гаск, что несвойственно документам II в. н.э. В то же самое время большая часть букв находит аналогии в шрифте надписей II в. н.э.³

Впользу датировки документа первой четвертью II в. н.э. говорят, во-первых, выражение $\nu\nu\nu$ δεσλότην βασιλέα в стк. 14, под которым явно подразумевается царь Савромат, так как его имя отчетливо вычитывается в стк. 25. Это определенно царь Савромат I, правивший в Боспорском государстве в 93–123 гг. н.э.; во-вторых, это сохранившийся в стк. 27 фрагмент его титулатуры: ..... καὶ Ποσειδῶνος γενόμενον. Упоминание мифических предков боспорских царей в надписях относится к Рескупориду I (КБН, 980), его сыну и преемнику Савро-

³ Болтунова А.И., Книпович Т.Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 1962. III. С. 10, 11.

мату I (КБН, 1048), а также к Рескупориду II, сыну Савромата II (КБН, 53). При этом, если в титулатуре Рескупоридов I и II прямо сказано, что они потомки Геракла и Евмолла, сына Посейдона, то в отношении Савромата I говорится, что он происходил от Посейдона и Геракла. Поскольку в энкамии в титулатуре фигурирует лишь бог Посейдон, а для имени Евмолла там явно места нет, то царем, который имел таких мифических предков, мог быть только Савромат I. Следовательно, надпись появилась в правление царя Савромата I до 123 г. н.э., а перечисленные в ней заслуги и подвиги безымянного чествуемого, как и сама его смерть, случились до того, как этот монарх скончался.

Чтобы установить дату надписи и хронологию рассказанных в ней событий, важно определить личность римского императора, который поименован как Καῖσαρ ὁ τότε, т.е. «тогдашний цезарь» (стк. 6, ср. также стк. 8). Царь Савромат I в течение своего тридцатилетнего правления пережил трех римских императоров – Домициана, последнего кесаря из династии Флавиев (81–96 гг. н.э.), Нерву (96–98 гг. н.э.), Траяна (98–117 гг. н.э.) и умер в начале правления Адриана (117–138 гг. н.э.). Трое из них, за исключением Нервы, находившегося на троне очень короткое время, активно занимались делами Северного Причерноморья. Обращает на себя внимание отсутствие в надписи полной титулатуры и особенно имени римского цезаря. Это не свойственно ни Нерве, ни Траяну, ни Адриану, ибо, как правило, при их упоминании обычно давали более менее полный титул и обязательно имя (ср. ISM I. 177B: Истрия – Αὐτοκράτορα Νέρουαυ Καίσαρα; *Cagnat R. Cours d'epigraphie latine. P., 1914. Pl. XI, I: Тимгад, Северная Африка – Imperatore Caesare, divi Hadriani filio, divi Traiani nepote, divi Nervae pronepote, T(it)o Aelio Hadriano Antonino Augusto Pio...; см. также IGR III. Index. P. 587, 588: Νέρουαυ Σεβαστός; Αὐτοκράτωρ Νέρουαυ Καίσαρ Σεβαστός; Θεὸς Νέρουαυ; Θεὸς Νέρουαυ Σεβαστός – император Нерва; Καίσαρ Траϊανός; Αὐτοκράτωρ Траϊανός; ὁ μέγιστος Αὐτοκράτωρ Καίσαρ Траϊανός; Αὐτοκράτωρ Νέρουαυ Траϊανός Καίσαρ Σεβαστός – император Траян; Καῖσαρ 'Αδριανός; Траϊανός 'Αδριανός; Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ (Θεὸς) Траϊανός 'Αδριανός Σεβαστός; Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ Траϊανός 'Αδριανός – император Адриан). Император Домициан при жизни величался как *imperator Caesar Domitianus Augustus Germanicus* (ILS 4914, Рим; ВДИ 1950, № 1. С. 177 – Бсюк-Даш, Азербайджан, надпись Л. Юлия Максима, солдата XII легиона Фульмината в правление императора Домициана Цезаря Августа Германика) или сокращенно *imperator Domitianus* (ILS 1842, Рим). В греческой огласовке все это звучало как Αὐτοκράτωρ Δομετιανός (*vel.* Τ. Φλ. Δομετιανός) Καῖσαρ (ISM I. 177A; ср. IGR III. 23, 300, 551, 552, 944 etc. с добавлением эпитетов Σεβαστός и Γερμανικός), а также как Καῖσαρ Σεβαστοῦ υἱὸς Δομητιανός (IGR III. 223, 466) или Δομητιανός Σεβαστός (IGR III. 945). Однако после смерти имя и память об императоре по постановлению Сената были преданы проклятию. Светоний пишет: «Сенат приказал также принести лестницы и, в своем присутствии, убрать отовсюду медальоны с барельефными его изображениями и бюсты и тут же разбить их о землю, а напоследок постановил стереть надписи с его именем и уничтожить его память» (Suet. Dom. 23). Известны надписи, где имя Домициана вообще отсутствует (ILS, 347 – Рим) или тщательно соскоблено (IGR III. 23, 300, 551, 552, 715, 729, 944), хотя титулатура и эпитеты оставлены. Мы вряд ли будем неправы в том, что автор надписи (которого Ю.Г. Виноградов считал ритором) специально не назвал имени кесаря, следуя распоряжению римского Сената. А это означает, что события, о ко-*

торых повествуется в сткк. 1–13, происходили в правление Домициана, т.е. до 96 г. н.э., когда принцепс был убит в результате заговора.

В надписи тем не менее имеется косвенное указание, когда происходило сражение и имели место последующие события, о которых рассказывается в сткк. 1–11. К сожалению, первые строчки текста очень фрагментарны, но они все же дают возможность представить ход событий. В сткк. 1–2 сказано, что чествуемый «остался без всадников» – [...ί]πλέων ἐλείφ[θη...]. Если это восстановление верно, то в ходе сражения чествуемый, очевидно, командуя боспорским войском, потерял большую часть своей конницы. Впрочем, мы не исключаем вероятности реконструкции в этой строке упоминания воинских соединений из городов Горгии или Агриппии-Фанагории – [...Γοργί]πλέων vel. [...Ἀγρίπ]πλέων ἐλείφ[θη...]. При таком чтении получается, что чествуемый остался без поддержки ополчения этих полисов. Но это восстановление все же менее вероятно, нежели предложенное Ю.Г. Виноградовым. Глагол λείπω означает «оставлять», «покидать», «оставлять строй», «дезертировать» (LSJ s.v.). У античных авторов часто встречается выражение λείπειν τὴν τάξις в значении «оставлять самовольно свой пост в армии» (And. I. 74; Pl. Ar. 29a; Dem. XIII. 34; XV. 32; Aeschin. III. 159) или попросту «дезертировать». Платон в «Апологии Сократа» прямо говорит, что оставление строя в битвах при Потидее, Амфиполе и Делии было бы расценено как ужасный поступок (Pl. Ar. 29a). Не исключено, что в энкомии говорилось о том, что всадники или вообще конница оставили строй воинов, т.е. пехоты, которым тот командовал. Ведь далее в стк. 37 в перечне заслуг и должностей умершего упомянуто, что он командовал тяжеловооруженной пехотой. Может быть, всадники сделали это самовольно, а может быть, осознанно, изменив командующему, что вынудило его сражаться в пешем строю – по выражению автора надписи «подобно бушующему потоку, сокрушая всех, кто нападал на него», проявляя при этом чудеса храбрости (сткк. 3–5). Косвенно на это указывает выражение [...]ὼν τὴν παρά[τ]αξις в стк. 3, в котором Ю.Г. Виноградов восстанавливал [κατακόπτ]ων..., т.е. «разбивать боевой порядок». Нам все же представляется здесь уместнее причастие [ποιέ]ων τὴν παρά[τ]αξις, т.е. «построить, создать строй» (ср. Isocr. X. 53: παράταξις ἐποίησαντο, что означает «построить боевой порядок, вести войну или борьбу»). Термин παράταξις переводится как «боевой порядок, боевая линия, фаланга» (Ascl. Tact. II. 5; Acl. Tact. VII. 1; Polyb. XV. 12. 3: ἐν τῶν μεταξύ χωρίων τῶν παρατάξεων – «на промежутке между боевыми линиями» в битве при Заме между Ганнибалом и римлянами). Он встречается в эпиграфических источниках II в. до н.э. из Эпидавра (IG IV, 1 ed. 2. 28. 1) и Приены (μετὰ τὸν παράταξις τὸν γενομένην αὐτοῖς ποτὶ Πριονεῖς – «после случившегося у них сражения с Приенцами»)⁴. Поэтому, учитывая предложенную конъектуру, мы предполагаем, что порядок событий в описываемой битве был следующим.

Лишенный поддержки конницы, очевидно, сарматской, что было обычным в боспорской армии, где конные сарматы в первые века нашей эры занимали ведущее положение⁵, чествуемый в энкомии деятель, будучи командиром тяжеловооруженной пехоты, построил строй подчиненных ему голлитов и вел ус-

⁴ Schwyzer E. Dialectorum Graecorum exempla epigraphica potiora. Lpz, 1923. № 282.

⁵ Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. С. 141, 142; Горючаровский В.А. Между Империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. СПб.–М., 2003. С. 36 сл.

пешное сражение с неприятелем, атаковавшим его ряды. Он отбивал все атаки врага, по всей видимости, конных его отрядов, ибо автор надписи, используя метафоры, сравнивает сражение с бушующей рекой и несущимся потоком. Из последующих строк текста становится ясно, что в этой битве успех был на стороне боспорцев, так как говорится о личной доблести чествуемого, счастье царя и о том, что даже римский император услышал о великом деянии. Подобные эпитеты исключают поражение войска, предводительствуемого чествуемым. Ход сражения чем-то напоминает события Диофантовых войн под стенами Херсонеса Таврического в конце II в. до н.э. Прибыв в Херсонес, Диофант, полководец Митридата Евпатора, как известно из декрета в его честь, переправился на северную сторону; а когда скифский царь Палак внезапно напал на него с большим полчищем варваров (Παλάκου δὲ τοῦ Σκυθῶν βασιλεῖος αἰφνιδίως ἐπιβαλόντος μετὰ ὄχλου πολλοῦ), Диофант, поневоле приняв битву (παρά[τα]ξάμενος ἐν χρ[ε]ία), обратил в бегство скифов, считавшихся непобедимыми (IOSPE I, ed. 2. 352). Основу понтийского войска составляла фаланга гоплитов, построенная в ряд, и она первой выдержала удар конных скифов. Испытав удар скифской кавалерии, фаланга, подавшись чуть назад, устояла, а когда скифские всадники завязли в противоборстве с пехотой, им во фланг ударила конница понтийцев, что завершило дело и обеспечило Диофанту победу⁶. В нашем же случае победу принесла стойкость тяжеловооруженной пехоты, т.е. той же фаланги гоплитов, командиром которой был чествуемый, так как конница либо изменила ему, либо была уничтожена ранее.

Для более точной фиксации событий битвы и определения врага, атаковавшего боспорское войско, большое значение имеет то, что говорится у автора надписи в следующих словах: «тогдашний цезарь», т.е. Домициан, «находясь ... услышал о великом деянии», т.е. об одержанной боспорским воинством победе, «при решении дел порицал вину» напавших на боспорцев врагов, «и письмом пригласил к цезарю» виновника этой победы, затем одобрил происходящее, т.е. победу Боспора, «побудив к этому на будущее», т.е. на новые победы во славу Рима и Боспора, «и царям аланов за» их нападение «счел нужным определить» наказание. Это описание имеет непреходящее значение для изучения взаимоотношений Боспорского царства с Римской империей и соседними варварскими племенами.

Ключевой является фраза в стк. 6 «тогдашний цезарь, находясь ([δι]όκτων...)). К сожалению, из-за фрагментарности надписи в данном месте так и осталось неясно, где находился император Домициан и куда он вызвал к себе чествуемого после его победы. Восточная политика римлян при Флавиях и конкретно при Домициане осуществлялась по двум основным направлениям – в Подунавье и Закавказье. Домициан совершил четыре военных похода: один против сарматов, один против хаттов, германского племени, и два против даков; при этом за победы над даками император отпраздновал двойной триумф, а за победу над сарматами поднес лишь лавровый венок Юпитеру Капитолийскому (Suet. Dom., 6; Eutrop. VII. 23. 1; Aurel. Vict. XI. 4). Отличительной особенностью правления этого императора было его личное присутствие в районе боевых действий, хотя непосредственное ведение войны он поручал своим полководцам. Зимой 85/86 г. н.э. даки вторглись в Мезию и разбили римское войско во главе с наместником провинции Гаем Оптием Сабиним. Из-за серьезности по-

⁶ О тактике скифов и Диофанта в первом сражении см. *Панченко В.В.* Херсонесские победы Диофанта. Севастополь, 1999. С. 15.

ложения на Дунай прибыл лично Домициан, который, как сообщает Дион Кассий, не принимал активной роли в конфликте, а расположился в одном из городов Мезии (Dio Cass. LXVII. 6. 3). Правда, Йордан утверждает, что цезарь прибыл в Иллирик со всеми своими силами и войнами со всего государства (Jord. Get. 76–78), но это не исключает свидетельств более ранних историков о том, что он расположился в Верхней Мезии, так как после разделов Империи при Диоклетиане и Константине Великом придунайские земли вошли в состав префектуры Иллирия. Считается, что император остановился в Наиссе (совр. Нише). Домициан поручил командование префекту претория Корнелию Фуску, войско которого было снова разбито даками под командованием царя Диурпаней (Oros. VII. 10. 4; Jord. Get., 77, 78). После этого Диурпаней заключил с римлянами перемирие, но был вынужден уступить власть Децебалу, предложившему императору мир на очень унижительных для Империи условиях. Однако вскоре римляне начали новое наступление, на этот раз командование было поручено Домицианом префекту претория Теттию Юлиану, который в 88 г. н.э. продвинулся в Трансильванию и одержал победу в битве при Тапах (совр. Дева). В 89 г. н.э. Децебал согласился заключить с Домицианом мир, но сам прибыть для его подписания отказался, прислав для этого своего брата Диега. Домициан находился в это время в Паннонии, ибо римляне вели войну с маркоманнами и квадами, отказавшимися помочь им против даков. Император короновал Диега и затем отправил в Рим с письмом в Сенат от царя даков Децебала (Dio Cass. LXVII. 1–6; 7, 1–4; Martial. V. 3; VI. 10. 7). Все это время – с 85 по 89 г. н.э. – Домициан находился в Мезии и Паннонии, принимал различных послов – от даков, маркоманнов, квадов, многих из которых умертвил (Dio Cass. LXVII. 7. 1). В 91–92 г. н.э. император снова вынужден был заниматься делами Мезии, так как жившие там племена лугиев, вовлеченные в войну с некоторыми из племен свебов (швабов), послали к нему за помощью. И получили ее в достаточном количестве, вследствие чего недовольные свебы вошли в союз с сарматами-языгами и готовились вместе с ними переправиться через Истр (Dio Cass. LXVII. 5. 2).

Пристальное внимание Домициана к сарматам объясняется тем, что в войне с языгами погиб целый римский легион, вероятно, прибывший с Рейна (Suet. Dom., 6; Tac. Agric. 41). Этим объясняется скромность победной церемонии Домициана за войну с сарматами. Столкновение с языгами произошло в 89 г. н.э. во время войны с маркоманнами и квадами тотчас после того, как был заключен мир с даками⁷. Как явствует из одной карфагенской надписи (CIL. VIII. 1082), где упомянут римский легионер, получивший от Домициана знаки отличия за войну с даками, германцами (хаттами) и опять с даками, в промежутке между походами Фуска и Юлиана, т.е. между 85 и 88 годами н.э., Домициан совершил победный рейд против хаттов, за что получил прозвище Germanicus (ILS. 4914). Т. Моммзен, ссылаясь на Евсебия, установил, что триумф за победы над даками Домициан отпраздновал в 89 или 90 г. н.э.⁸ Поскольку триумфы отмечались по обыкновению в Риме при большом скоплении подданных, то следу-

⁷ Моммзен Т. История Рима. Т. 5. М., 1949. С. 192; Saxer R. Untersuchungen zu den Vexillationen den römischen Kaiserheeres von Augustus bis Diocletian // Epigraphische Studien. I. Bd 18. Köln-Graz, 1967. S. 22: война с маркоманнами и квадами названа в источниках bellum Marcomannorum, Quadorum, Sarmatarum (см. также Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае I–IV вв. н.э. М., 2000. С. 67: автор ошибочно дает ее описание до победы Домициана над даками).

⁸ Моммзен. Ук. соч. С. 191. Примеч. 3.

ет полагать, что в 89 или 90 г. н.э. император покинул дунайскую границу и временно вернулся в столицу Империи. Однако вскоре он был вынужден вступить в войну с языгами, для чего снова отбыл на Дунай и при обострении отношений со свебами и языгами в 91–92 гг. н.э. опять, видимо, находился в Мезии, следуя своему обычному правилу посещать театр военных действий.

Что касается Закавказья, то о внимании к нему Домициана как принцепса свидетельствуют упоминавшаяся уже надпись с горы Беюк-Даш и армянский историк Моисей Хоренский (*История Армении*. Кн. 2. § 54). Последний сообщает, что в правление Домициана армянский царь Арташес поднял против римлян восстание, на подавление которого из Рима прибыл в Армению Домет. В этом Домете при некоторой фантазии ума можно усмотреть Домициана. Однако установлено, что Домициан в Закавказье, как и на Востоке вообще, лично как император никогда не был⁹. Тогда пребывание Домициана вне Рима, когда согласно энкомию, он прослышал о победе боспорцев и после нее призвал письмом к себе чествуемого, приходится либо на время дакийских войн в 85–89/90 гг. н.э. в бытность его в Верхней Мезии и Паннонии, либо в 90–92 гг. н.э., когда он воевал с сарматами-языгами. А это значит, что описанные в начальных строках энкомия события имели место на рубеже 80–90-х годов н.э..

В стк. 7 говорится о том, что император Домициан при решении дел (ἐπί δία]κρίσει) порицал вину, скорее всего тех, кто напал на Боспорское царство. Этим противником боспорцев были аланы, что явствует из стк. 10: «и царям аланов за ... счел нужным определить», по всей видимости, наказание за нападение. Любопытны выражения, использованные автором надписи для характеристики решений принцепса по данному делу: [δοκ]μίσσας в сткк. 8–9 – Part. Aor. I act. от глагола δοκμίσσω, что значит «проверять, одобрять, утверждать, считать важным», и πρoτρέρψας – также причастие аориста от глагола πρoτρέρπω – «побуждать, принуждать, склонять». Первый из них имеет административный оттенок, так как относится к докмасии (δοκμασία) – гражданско-правовой проверке на законность деяний; второй означает принятие решения на основе этой проверки согласно совершенному деянию. А поскольку в надписи указано, что цезарь порицал вину аланов, точнее их царей, и определил им справедливое наказание, то нападение на Боспор расценивалось как серьезное нарушение статус-кво и, вероятно, каких-то обязательств аланских царей перед Римом. Речь в этом месте документа идет о проведенной императором проверке действий аланов с точки зрения правовой ответственности перед Римской империей и Боспорским государством и о принудительном побуждении к недопущению такого рода поступков в будущем. Следовательно цари аланов признавали ответствен-

⁹ Длительное время считалось, что надпись из Беюк-Даша связана с походом Домициана против алан или албанцев (*Ямпольский З.И.* Вновь открытая латинская надпись у горы Беюк-Даш // *ВДИ*. 1950. 1. С. 182; *Ельницкий Л.А.* Северочерноморские заметки // *ВДИ*. 1950. 1. С. 193; *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.–Л., 1959. С. 127–129) и что именно там якобы был разбит сарматами римский легион (*Бокцианин А.Г.* Парфия и Рим. Ч. 2. М., 1966. С. 220–222). Из последних работ о походе Домициана в Закавказье против алан см. *Heidenreich H.* Zur östlichsten Lateinischen Inschrift // *ZPE*. 1983. Ht 52. S. 213, 214; *Braund D.* New Latin Inscriptions in Central Asia // *ZPE*. 1991. Ht 89. P. 188–190; *idem.* The Caspian Gates in Roman-Persian Relations in Ancient Transcaucasia // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 2000. Bd 32. P. 38. Однако о личном присутствии Домициана в этом походе нигде сведений нет, а участвовавший в походе в Кобустан отряд XII легиона Фульмината был всего лишь вспомогательным, посланным царю Иберии для похода против албанцев (*Домоури Н.Ю.* Грузино-римские взаимоотношения. Ч. 1. Тбилиси, 1981. С. 180, 181).

ность перед римской властью, считались с сюзеренитетом императора, воспринимали его, если не прямым, то уж определенно формальным повелителем. Такое было возможно только в случае принятия аланами на себя каких-то международных обязательств.

Чтобы определить, когда это могло произойти, надо углубиться в ранние годы правления императора Веспасиана, отца Домициана. В 72 г. н.э. аланы, обитавшие по берегам Танаиса и Меотиды, вторглись в Мидию и Армению и опустошили страну, взяв огромную добычу (Flav. Jos. Bel. Jud. VII. 7. 4; Ambrosius. De excidio urbis Hier. V. 1). Напуганный этим парфянский царь Вологез попросил Веспасиана о помощи против аланов и одного из его сыновей в качестве командира отряда, но дело это расстроилось, хотя Домициан очень рассчитывал на него для умножения своей славы (Suet. Dom. 2). Помощь римлян парфянам не состоялась из-за того, что им было в тот момент выгодно ослабление Парфии и подвластной ей Армении, в противовес которым они стремились усилить Иберию. Согласно надписи из Мцхеты, найденной в 1867 г., Веспасиан и его сыновья Тит и Домициан оказали содействие царю иберов Митридату и народу укреплением стен. Риму были наруку вторжения аланов в Парфию и Армению и ограждение от их атак Иберии¹⁰. В это время между Римом и аланами могли быть заключены некие соглашения, по которым аланы воздерживались от нападений на римских союзников и друзей. В ответ римляне взяли на себя обязательство не помогать парфянам против алан, что стало поводом к отклонению просьбы Вологеза о присылке отряда против сармат. Поэтому вторжение аланов в 80-е годы н.э. в пределы Боспорского царства, дружественного Римской империи, могло расцениваться как нарушение этих договоренностей и оттого стало событием чрезвычайным. К тому же еще со времен Нерона передвижения аланов, доходивших уже тогда до Днепра, вызывали неизбежные перемещения их соседей – аорсов и сираков (Plin. IV. 80; 82). Это усиливало давление кочевой орды сарматов на дунайскую границу, способствуя агрессивности западного ответвления сарматских племен – языгов. При Домициане они, как мы видели, были крайне враждебны Риму, вот почему император очень обрадовался победе боспорского воинства над аланами. Это должно было ослабить агрессивность кочевников по отношению к дунайским провинциям.

На радостях Домициан вызвал чествуемого в энкомии к себе в Мезию, чтобы поподробнее узнать об успехе в войне с кочевниками. Очевидно, тот прибыл к императору тогда же, когда к нему приходили посольства от различных племен и народов, в том числе от лугиев и свебов. Очень знаменательно употребление автором энкомии выражения δι' ἐπιστολῆς для обозначения того, каким образом кесарь вызвал к себе полководца. Оно очень близко по значению выражению, которое употребляет Геродот при описании ситуации, когда эгинец Криос, сын Поликрита, оказал сопротивление спартамцам, переправившимся на Эгину, и говорил перед их царем Клеоменом по приказанию (ἐξ ἐπιστολῆς) Демарата (Herod. VI. 50). В выражении энкомии присутствует явный оттенок приказа или, говоря казенным языком, предписания явиться ко двору цезаря, послушаться которого не представлялось никакой возможности. Это письмо вышло из недр императорской канцелярии и его секретаря, о существовании которых

¹⁰ Ломоури. Ук. соч. С. 176; Амиранашвили А.И. Иберия и римская экспансия в Азии // ВДИ. 1938. 4. С. 171; Dabrowa E. Roman Policy in Transcaucasia from Pompey to Domitian // The Eastern Frontier of the Roman Empire: Proceedings of a Conference at Ankara. Oxf., 1989. P. 72; Braund D. Georgia in Antiquity. Oxf., 1994. P. 229.

мы знаем из одной надписи (IG. XIV. 1085: ἐπιστολεύς τοῦ Αὐτοκράτορος). Это отражение прямых вассальных отношений Боспора и Римской империи, следствие установившейся практики утверждения римскими цезарями боспорских правителей, ездивших для этого в столицу Империи. Они и их ближайшее окружение беспрекословно повиновались приказам императора. Неслучайно поэтому еще Страбон отмечал, что со времени Митридата Евпатора Боспорское царство перешло под власть римлян и они назначают тамошних царей на престол (Strabo. VII. 4. 4; 7).

Вызов боспорского вельможи к императору предшествовал решению и проверке-докимасии конфликта с аланами, поэтому можно предполагать, что в императорскую проверку входило также рассмотрение деяний боспорского полководца. И только после этого появилось решение о наказании аланских царей, признанных виновными. Значит инициатива в военном столкновении принадлежала аланам. Важное значение имеет указание автора энкамения, что принцепс одобрил происходящее и побудил чествуемого на будущее к таким же победным поступкам по отношению к коварным варварам: «ведь когда (случаются) важные дела, то они привлекают тех, кто вблизи (т.е. имеется в виду Домициан, прибывший в Подунавье. – С.С.), а когда они не выявляются, то они их беспокоят...» – этот пассаж ритора, не лишённого философского подхода к описываемым событиям, явно направлен в сторону императора, озабоченного положением на северо-восточных границах империи в течение более семи лет (сткк. 9–12), но преданного проклятию к моменту написания текста laudatio. Чтобы понять смысл этих слов, надо вернуться к ситуации в Таврике в третьей – начале четвертой четверти I в. н.э.

После того как при Нероне в середине 60-х годов н.э. римляне во главе с Тиберием Плавтием Сильваном высадились в Крыму и отогнали тавро-скифов, подошедших к Херсонесу, они закрепились в Хараксе и самом Херсонесе, введя туда гарнизоны и взяв под защиту его хору (CIL. XIV. 3608; ср. IOSPE I, ed. 2. 369). Какая-то часть их войск стояла и на Боспоре, как можно заключить из свидетельства Иосифа Флавия (Flav. Jos. Bell. Jud. II. 16. 4). Однако в скором времени их вексилляции были из Таврики выведены, по одним предположениям, в 69 г. н.э. во время социально-политического кризиса в Риме, по другим – в 80-х годах н.э., когда обстановка на дунайской границе серьезно обострилась¹¹. Есть, правда, мнение, что римляне вообще не выводили отряды из Юго-Западного Крыма или вывели их в самом конце I в. н.э.¹² До обнаружения нашей надписи ни прямых ни косвенных данных об этом не было, исследователи ограничивались в основном общими соображениями за и против. В публикуемой надписи имеются недвусмысленные указания на то, что ни в Херсонесе, ни в его окрестностях, ни, очевидно, на Боспоре к концу правления Домициана римских войск уже не

¹¹ *Ростовцев М.И.* Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость // ЖМНП. 1900. Март. С. 144–149; *Блаватский В.Д.* Харакс // МИА 1951. 19. С. 259; *Репников Н.И.* О характере римской оккупации южного берега Крыма // СА. 1941. VII. С. 123–126; *Гриневич К.Э.* Херсонес и Рим // ВДИ 1947. 2. С. 232, 233; *Белов Г.Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 106; *Гайдучевич В.Ф.* История античных городов Северного Причерноморья // Античные государства Северного Причерноморья. М.–Л., 1955. С. 61; *Цветаева Г.А.* Боспор и Рим. М., 1979. С. 25; *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 57.

¹² *Дьяков В.Н.* Таврика в эпоху римской оккупации // Уч. Зап. МГПИ. 1942. I. С. 61; *Шелов Д.Б.* Римляне в Северном Причерноморье во II в. н.э. // ВДИ 1981. 4. С. 57; *Кадеев В.И.* Херсонес Таврический в первых веках н.э. Харьков, 1981. С. 24.

было. Иначе зачем бы тогда принцепсу было срочно вызывать к себе и слушать о сражении с аланами боспорского вельможу, а не собственных военных, а также, как явствует из сткк. 15, 29, 30, содействовать походу боспорских войск в Херсонес через весь Крым против тавров и скифов. Поэтому правы те, кто полагал правильной точку зрения М.И. Ростовцева и В.Д. Блаватского о выводе римских отрядов из Крыма при Домициане, что скорее всего произошло в 80-х годах н.э. в разгар войн на Дунае. Этим могли воспользоваться аланы и, нарушив договоренность с римскими императорами династии Флавиев, напали на боспорские владения в Азии. Завязнув в конфликтах на Дунае, Домициан не мог в тот момент снова послать военную экспедицию в Северное Причерноморье, как ранее это сделал Нерон усилиями легата Плавтия Сильвана. Поэтому он был вынужден возложить защиту греческих полисов Таврики и римских интересов в регионе на боспорского царя, что стимулировало поход его полководца, о котором речь, в Херсонес. Так, по-видимому, следует понимать слова автора энкомия в его честь о том, что кесарь побудил того на будущее держать победную марку против агрессивных кочевников.

В связи со всем этим возникает вопрос: отчего в столь серьезном деле, как создание щита против качевников и тавро-скифов для Римской империи, к императору был вызван не царь Боспора, которым, судя по времени случившихся событий, был Рескупорид I, отец будущего царя Савромата I, а всего лишь подданный царя, хотя и высокого государственного ранга. Это тем более малопонятно, если учесть, что столь достославная победа была добыта в том числе и благодаря «счастью царя» (стк. 5). При ответе на этот вопрос открываются неожиданные и доселе неизвестные страницы боспорской истории конца I в. н.э.

На медных монетах Рескупорида I 86–92 гг. н.э. (по В.А. Анохину) или 80–93 гг. н.э. (по Н.А. Фроловой) появляется изображение богини победы Ники с венком, круглого щита с копьем, головы коня, топора, шлема и меча и, что самое показательное, фигуры царя, поставившего ногу на стоящего на коленях на фоне трофея пленного варвара; имеются монеты с типом городских ворот с конной статуей наверху и башней, а также с фигурой скачущего всадника¹³. Во всаднике, в том числе в конной статуе над воротами, справедливо усматривают самого боспорского царя¹⁴, а в военной и победной символике всей монетной серии, вслед за М.И. Ростовцевым, видят отражение каких-то военных побед и роста военно-политического могущества Боспора¹⁵. Победы и возвышение царства, достигнутые при поддержке Рима, выражались и в том, что при Рескупориде I вместо традиционной монограммы, скрывавшей имя и титул монарха, появляются его полное имя и титул. Это следствие расширения с согласия Домициана политических и военных прерогатив царства, на которое возлагались обязанности противостоять аланам, тавро-скифам и опекать Херсонес. И в такой ситуации в ставку императора вызывается не Рескупорид I и даже не наследник престола – его сын Савромат I, а простой военачальник – хилиарх! Са-

¹³ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 153, 154. №№ 375–381, 385; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. С. 103–107, Кат. 226–233.

¹⁴ Зограф А.Н. Античные монеты. М.–Л., 1951. С. 202.

¹⁵ Ростовцев М.И. Эллиниство и иранство на юге России. Петроград, 1918. С. 161; Rostovtzeff M.I. Iranians and Greeks in South Russia. Oxf., 1922. P. 158; Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus, Bd II. Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes / Hrgb. H. Heinen // Historia Einzelschriften 83. Stuttgart, 1993. S. 93–95; Gajdukevič V.F. Das Bosphoranische Reich. Berlin–Amsterdam, 1971. S. 352; Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 144–146; Горончаровский. Между Империей и варварами. С. 181.

мая ранняя надпись Савромата I датирована 93 г. н.э. и в ней он еще не имеет царского титула, хотя посвящает статую своему отцу Рескупориду I (КБН. 42). В танаисской надписи КБН. 1259 в первой ее редакции у Савромата I не было титула «друг цезаря и римлян», и только между 93–104 годами н.э. в ней выскоблили разугу, и этот титул был туда вставлен¹⁶. Царский титул и титул «друг цезаря и друг римлян» у Савромата I можно предполагать по надписям не позднее 97 г. н.э. (КБН. 43), после чего он упоминается неизменно с титулом.

Последним золотым выпуском царя Рескупорида I является монета 388 г. п.э. = 91/92 г. н.э., а первой золотой монетой Савромата I считается статер от 390 г. п.э. = 93/94 г. н.э. (Анохин. Монетное дело Боспора. № 369, 387; Фролова. Монетное дело Боспора. С. 226, 233). Между ними разрыв в пределах одного–полутора лет, когда царского золота не выпускали. Этим же временем датируется надпись из Пантикапея о воздвижении статуи Савроматом I своему отцу, в которой наследник не титулуется царем. На этом основании можно предполагать соправительство отца и сына¹⁷. Обращает на себя внимание серия медных монет Рескупорида I с изображением царя, попирающего пленного варвара, и двух голов – царя и, как полагают, царицы (или богини Афродиты Урании – рис. 2, 1) (Анохин. Монетное дело Боспора. № 382; Фролова. Монетное дело Боспора. С. 229. Табл. XXXIII, 1–8). Монеты выпущены в честь какой-то победы над варварами, скорее всего, аланами, если следовать энкомиию. В таком случае их отчеканили в последние годы царствования Рескупорида. В правом бюсте на реверсе этих монет усматривали женский портрет, однако монета из собрания Одесского музея нумизматики (Вестники Одесского музея нумизматики. Вып. 4. 2000. Сентябрь. Одесса. С. 47. № 12) отчетливо показывает, что это не женский, а мужской профиль с диадемой, подчеркивавшей царское происхождение изображенного (рис. 2, 1 – вклейка). Черты его лица аналогичны портрету царя Савромата I на серии меди с изображением городских стен и башен и варваром-пленным на коленях (рис. 2, 2–3) (Фролова. Монетное дело Боспора. Табл. XLI, 3–4; Вестники... С. 47. № 14, 16), к тому же женский бюст на монетах Рескупорида I обычно в калафе и покрывале (рис. 2, 4) (Вестники... С. 47. 3, 10). Поэтому правдоподобным выглядит предположение, что в правом портрете на сестерциях Рескупорида I представлен его сын Савромат I, который являлся соправителем отца в те годы, когда были побеждены аланы. После его смерти молодой царевич унаследовал трон и титул.

Любопытно, что год, когда царского золота не били, совпадает с активностью Домициана в Мезии (91–92 гг. н.э.), где принцепс занимался делами местных племен в связи с обращением к нему лугиев и опасностью сарматского вторжения (см. выше). Поэтому мы полагаем, что именно в данный момент и был вызван к нему чествуемый. А почему туда прибыл он, а не царь, которому он служил, следует объяснить тем, что Рескупорид I, вероятно, скончался в 92 г. н.э., что стало причиной постановки ему статуи сыном. Но его наследник

¹⁶ Арсеньева Т.М., Бемтгер Б., Виноградов Ю.Г. Новые исследования в Танаисе // ВДИ. 1996. 3. С. 69; Arsen'eva T., Böttger B., Vinogradov Ju.G. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1994 // Eurasia Antiqua. 1995. Bd 1. S. 222. Anm. 13; Сапрыкин. Плиний Младший... С. 200.

¹⁷ Сапрыкин. Плиний Младший... С. 200. О политике Савромата I см. подробно Сапрыкин С.Ю. Царь Савромат I Боспорский // Античность: история и историки. Казань, 1997. С. 89–94; Saprykine S.Ju. Le roi Sauromace Ier du Bosphore Cimmérien // Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age. Leiden, 2000. P. 47–52.

Рис. 2. 1, 4–6 – монеты боспорского царя Рескупорида I; 2, 3, 7 – монеты его сына Савромата I. Собрание Одесского музея нумизматики (увеличено)

был еще несовершеннолетним и не имел право на самостоятельное принятие решений. Из *laudatio funebris* следует, что вызванный к кесарю деятель был воспитателем царя Савромата I, причем помогал ему при решении очень важных государственных дел, касающихся азиатской части Боспора. Полагаем, что это был не простой воспитатель, а регент при малолетнем царевиче, еще не занявшем престол умершего в разгар военных успехов Рескупорида I. При таком раскладе становится понятным неожиданный вызов к императору вельможи, а не царя или его преемника. И лишь через год после посещения чествуемым ставки Домициана, т.е. в конце 93 г. н.э., молодой наследник принял титул и трон, о чем свидетельствуют монеты. Чуть позже он по обыкновению был утвержден в Риме Сенатом. Тогда находит объяснение наличие разуры для исправления титула Савромата I в одной из танаисских надписей. Это заставляет уверенно утверждать, что предписание чествуемому в надписи полководцу явиться к Домициану поступило в 92 г. н.э. и именно ему было поручено вдохновлять молодого монарха («воспитанника» или «воспитуемого» – ἐξελαίδευσεν, [ἐκτελαίδευσέ]νον, как говорится в сткк. 28–29 надписи) продолжать победную поступь отца на благо Боспора и Римской империи.

Какой путь избрал чествуемый для визита к принцепсу, неясно, скорее всего он прибыл в Мезию морем вдоль побережья Таврики через Тиру. На выбор такого маршрута указывает декрет тирассцев в честь боспорца Валента, сына Филокала, дважды совершавшего посольства к императору Марку Аврелию¹⁸.

Крайне важным представляется упоминание в надписи «царей аланов» (τοῖς Ἀλανῶν βασιλεῦσιν), которым Домициан определил наказание. Античная традиция нередко говорит о царях скифов и сарматов во множественном числе: от Мемнона или его источника мы слышим о царях колхов вокруг Фасиса и о царях скифов, которым Митридат Евпатор возвратил отцовские владения (Мемп., 30); в ольвийском, очевидно, декрете второй половины I в. н.э., обнаруженном на Мангуле, говорится о восхваляемом гражданине, совершившем посольство «к величайшим царям Аорсии»¹⁹; безымянные местные цари упоминаются в окрестностях Ольвии (см. IOSPE. I, ed. 2. 30), там же в римское время знатные горожане встречали каких-то «царей Сарматии» (IOSPE. I, ed. 2. 52: [...τοῖς Σκυθῶ]ν vel. [...Σαρματῶ]ν βασιλεῖς; 54: Σαρματίας βασιλεῖς, ср. IOSPE I, ed. 2. 70: [βασι]λέων) или сами отправлялись с посольством к «соседним царям» (IOSPE I, ed. 2. 39: ἐν ταῖς πρὸς γειτνιῶντας βασιλέας πρεσβείας). Такое многовластие у варваров объясняют по-разному: его считают отражением деления Скифии и Сарматии на несколько царств либо на ряд улусов-областей с относительно самостоятельными царями-вождями²⁰. Но это может быть также следствием рыхлости социально-общественной структуры кочевых народов на этапе перехода к оседлости, когда с разложением родовых отношений усиливаются позиции знати и племенных вождей. А само общество представляет собой не государство, а союз племен, управляемых отдельными вождями, при военной опасности или для походов за добычей временно объединявшихся и признававших верховенство сильнейшего из них. Даже у осед-

¹⁸ Avram A. Décret inédit de Tyras // *Studia Antiqua et Archaeologica*. Iași, 1997. III–IV. P. 116.

¹⁹ Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. 2. С. 167.

²⁰ Храпунов И.Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры, скифы, сарматы. Симферополь, 1995. С. 70 сл.

лых народов, например, у фракийцев, длительное время сохранялся институт парадинастии, являвшийся пережитком племенного деления²¹. Пережитки родовых отношений приводили к длительному сохранению такого элемента власти, как соправительство. Последнее было характерно для аланов в I–III вв. н.э.

В армянских источниках – у Моисея Хоренского (Мовсеса Хорсенаци) и в агрографической литературе имеются сведения о походе в Армению аланов, который связывают с их вторжением в 72 г. н.э. Хотя у исследователей нет единства по поводу даты событий у Моисея Хоренского (их относят к 114 г. н.э. и к середине III в. н.э.)²², важно то, что ими предводительствовали братья-соправители Базук и Амбазук, погибшие в Армении (*Хоренаци М.* История Армении. Кн. II. 50. С. 177). У Лукиана в диалоге «Токсарид» в том месте, где говорится об Алании и аланах, упоминается царский род царицы Мاستиры, вышедшей замуж за боспорского царя, и ее братья, очевидно, правители страны, так как они были крайне обеспокоены положением на Боспоре (Лис. Тох., 51. 30–35). Несмотря на то, что рассказ Лукиана очень противоречив, в нем отчетливо выделяются два пласта событий – эллинистический и римский, причем последний, касающийся алано-боспоро-скифских отношений, датируется не временем правления царей Рескупорида I и Савромата I²³, а третьей четвертью – серединой II в. н.э., когда после смерти Реметалка (царь Левканор у Лукиана) к власти пришел не законный сын и наследник Савромат II, а Евпатор, вероятно, его сводный брат (Евбиот у Лукиана)²⁴. Но для нас знаменательно, что с конца I в. н.э. и позднее аланам управляли братья-соправители. Очевидно, соправительство у аланов отражено в тексте энкомия, где употреблено выражение «царям аланов». Во всяком случае этот источник недвусмысленно дает понять, что попытки усматривать в аланах не племя, а аристократическую прослойку номадов типа военной касты, несостоятельны, ибо это определено сарматское племя, которое играло важную роль в политической жизни Северного Причерноморья в последней четверти I в. н.э. и имело своих царей-вождей.

В стк. 5 бесспорно восстановление τύχη βα[σιλέως...]. Такое же выражение находим и в стк. 21. Самое первое упоминание «Счастья царя» на Боспоре встречается в известной надписи Хрисалиска, вельможи царя Асандра, из его резиденции на Таманском полуострове: «царь Асандр, счастье Хрисалиска»²⁵.

²¹ Фол А. Демографска и социална структура на Древна Тракия. София, 1970. С. 140–153; Сапрыкин С.Ю. Фракия как эллинистическое государство // Мўнца. Сборник научных трудов, посвященных памяти проф. В.Д. Жигунина. Казань, 2002. С. 252.

²² Ср., например: Акоюн А.А. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987. С. 69; Берлизов Н.Е. Ранние аланы Северного Кавказа (по материалам катакомбных погребений III в. до н.э. – III в. н.э.). Автореф. дис. ... канд ист. наук. Л., 1990. С.14; Яценко С.А. Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV в. н.э. (локализация и политическая история) // ПАВ. 1993. 6. С. 86.

²³ См., например, Яценко. Аланы в Восточной Европе... С. 86; *он же*. Аланы и Рим в Северном Причерноморье в начале II в. н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Ростов-на-Дону, 1992.

²⁴ На такое развитие событий указывает свидетельство Лукиана, что аланские цари-соправители, братья Мاستиры, были крайне озабочены приходом к власти на Боспоре Евбиота/Евпатора, «который к скифам постоянно питает сочувствие, а к аланам вражду» (Лис. Тох., 51. 35–40). Им, вероятно, была бы более выгодна интронизация в Пантикапее Савромата, другого сына почившего монарха, который, если судить по имени, имел больше сарматских кровей и разумеется мог симпатизировать не тавро-скифам, а сарматам.

²⁵ Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 40. Рис. 30.

На Боспоре традиция упоминать «Счастье царя» идет от клятвы понтийских Митридатидов, которые в святилище Мена-Фаранака в Америке произносили следующие слова: «Клянусь Счастьем царя и Меном Фарнака» (Strabo. XII. 3. 31)²⁶. Τύχη βασιλέως – это персонификация личного счастья царей, а обращение к счастью владык стало своего рода отражением их обожествленности и часто использовалось в идеологии крупнейших эллинистических монархий – Селевкидского царства и государства Птолемеев. Там богиня судьбы Тюхе выступала заступницей Селевкидов, в частности царей Селевка II и Деметрия I (SIG. 2693b; 3137. l. 61), а также царицы Береники, супруги Птолемея III²⁷. Поскольку события, в контексте которых в стк. 5 упоминается «Счастье царя,» происходили в правление Рескупорида I, то мы не исключаем возможности дополнить τύχη βα[σιλέως Ῥησκούριδος...] vel. Βα[σιλέως βασιλέων Ῥησκούριδος? ...] (ср. КБН. 980). В стк. 21 речь идет о царе Савромате I, последняя буква в строке явно *омикрон*, а не *омега*, так что здесь, по-видимому, уместно дополнять τύχη βασιλέως το[ῦ σύμπαντος Βοσπόρου Σαυρομάτου vel. Τιβερίου Ἰουλίου Σαυρομάτου], ср. КБН. 32, 44, 1048. Употребление данного выражения в конце I в. н.э. свидетельствует о пережитках митридатовских эллинистических традиций почитания царской власти, возможно, это отражает введение на Боспоре царского культа, уходящего корнями в эпоху эллинизма, когда еще царь Перисад I в конце IV в. до н.э. был объявлен богом, а позднее были обожествлены Аспург и Савромат I.

Итак, в 80-х годах н.э. территория Боспорского царства, очевидно, в основном азиатская его половина (если судить по энкомиию, согласно которому чествуемый был тесно связан с племенами этой части царства) подверглась нашествию аланов. В результате какой-то битвы боспорское войско, состоявшее преимущественно из тяжеловооруженной пехоты, сумело отразить нападение и выиграть сражение с аланами. Это получило одобрение римлян и самого принцепса Домициана, вызвавшего в 92 г. н.э. к себе чествуемого, который командовал боспорцами и после смерти царя Рескупорида I мог стать регентом при молодом Савромате I, не достигшем еще совершеннолетия. Занятый на Дунае Домициан поручил Боспору в лице этого чествуемого деятеля выполнять функции защитника северо-восточных рубежей Римской империи против аланов и других кочевников, а также оберегать Херсонес и другие греческие города Крыма от тавро-скифов²⁸. Естественно, это способствовало подъему военного и политического могущества Боспорского царства, вследствие чего его правители получили большую свободу действий. Как результат, они стали ставить на монеты свое полное имя и титул, но это несколько не уменьшило их вассальной зависимости от Римской империи. Вся политика Боспора по-прежнему строилась на поддержке римлян и защите их интересов в Причерноморье.

²⁶ Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Люди и их боги: религиозное мировоззрение в Понтийском царстве // Человек в античном мире. М., 1998. С. 413 сл.

²⁷ Gardner P. Countries and Cities in Ancient Art // JHS. 1888. IX. P. 73–79; An Obsession with Fortune. Tyche in Greek and Roman Art. Yale, 1994. P. 19–21; Champeaux J. Le culte de la Fortune dans le monde romain. II. Recherches sur le cult de la Fortune à Rome et dans le monde romain des origines à la mort de Cesar. Les transformations de Fortuna sous la République. P., 1987. P. 56; Summerer L., Atasoy S. Die Tyche von Amisos // AA. 2002. Hbd 1. S. 247 suiv. О Тюхе правителя Колхиды Аристарха см. Сапрыкин С.Ю. Аристарх Колхидский // Scripta Gregoriana. М., 2003. С. 247.

²⁸ Об озабоченности римских императоров отношениями с аланами и их стремлении заручиться поддержкой против них Боспора см. Levick B. Pliny in Bithynia – and What Followed // Greece and Rome. 1979. Vol. 26. P. 127–131.

Археологические материалы показывают, что в конце I в. н.э. укрепленные поселения северо-запада Таманского полуострова, расположенные здесь города Кепы, Патрей, Тирамба, Корокондама, укрепления на юго-восточной окраине в окрестностях Бат подвергаются разрушениям и пожарам. Время гибели крепостей относят либо к концу I в. н.э., либо к началу II в. н.э., точнее – к правлению царя Савромата I. Те же материалы показывают, что не позднее середины II в. н.э. эти поселения восстанавливаются и наследуют прежнюю планировку²⁹. Разрушения прослеживаются и на европейском Боспоре, где в это время гибнут ранний Илурат, Либкнехтовка, Андреевка Северная. В.П. Толстиков, опираясь на выводы Н.А. Фроловой, что в период между 102 и 108 гг. н.э. с медных монет Савромата I исчезает изображение римского кесаря, выдвинул предположение, согласно которому вследствие антиримских настроений жителей азиатского Боспора и сепаратистских устремлений самого царя римляне обязали Савромата I разрушить укрепленные поселения и крепости на Фанталовском полуострове и в других местах Боспорского царства³⁰. Действительно, в правление Рескупорида I и Савромата I некоторые признаки усиления царской власти на Боспоре в сторону возрождения эллинистических традиций и относительной самостоятельности по отношению к Риму прослеживаются, но это следствие того, что римляне сами переложили на боспорские власти обязанности контроля за ситуацией на Северном Кавказе и в Крыму. Этим они содействовали военно-экономическому подъему царства, возрождению и дальнейшему развитию военно-хозяйственных поселений на хоре, основы могущества боспорских царей. А из публикуемой надписи со всей очевидностью следует, что разрушения в городах и на сельской периферии имели место не в начале II в. н.э., а в 80-х годах н.э., при Рескупориде I, в результате нападения аланов, последствия которого надо было ликвидировать и побыстрее. Военная и победная символика на монетах Рескупорида I и его сына Савромата I, в том числе изображения крепостей, оборонительных стен и башен, говорят скорее за то, что эти правители не разрушали собственные укрепления, а деятельно старались восстановить и реконструировать их как можно скорее во имя своих, а главное на благо долговременных римских интересов, и, не исключено, на римские же деньги³¹. Этим они создава-

²⁹ Соколовский Н.И. Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. 1967. 109. С. 114; он же. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // VIe Conférence Internationale d'études classiques des pays socialistes. София, 1963. С. 18; он же. Крепость на городище у хутора Батарейка I // СА. 1963. 1. С. 183, 184; он же. Таманский толос... С. 113; Онайко Н.А., Дмитриев А.В. сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н.э. // ВДИ. 1982. 2. С. 119–121; Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 86–92. О разрушении поселений при Савромате I см. Соколовский Н.И., Стручалина Р.А., Голенко К.В. Третий Патрейский клад // АМА. 1974. 2. С. 93.

³⁰ Толстиков В.П. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 54–62; Требелева Г. Типы оборонительных сооружений на Боспоре в первые века нашей эры // ПИФК. 2001. XI. С. 134.

³¹ Ростовцев. Эллинизм и иранство... С. 161; Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964. С. 165; Gajdukevič. Op. cit. S. 352; Горончаровский. Между Империей и варварами. С. 181–186; интересно предположение автора, что Рескупорид I одержал победы над сарматами на азиатской стороне Боспора и в честь этого назвал своего сына именем Савромат; о разрушении крепостей на Тамани аланами высказывался С.А. Яценко (Яценко. Аланы в Восточной Европе... С. 86; ср. Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 65).

ли надежный тыл против агрессивных кочевников, главным образом сарматов – аорсов, сираков, аланов. История Боспорского царства в первые века н.э. показывает, что только после укрепления северо-восточных и восточных рубежей его цари начинали полномасштабные военные действия в Таврике: так было во времена Аспурга (КБН. 39, 40), так произошло, согласно энкомию, при Савромате I, то же самое случилось при Савромате II в 193 г. н.э., когда после победы над сираками он совершил военный поход против тавроскифов (КБН. 1237). Поэтому, если следовать энкомию и относить гибель укрепленных поселений-катоикий ко времени нападения аланов при Рескупориде I, то надо признать, что точка зрения В.П. Толстикова не соответствует действительности. Ибо разрушения укреплений на азиатском Боспоре могли быть связаны с нападениями его сарматских соседей, а на европейском, например, раннего Илурата и других укрепленных поселений, с рейдом скифо-тавров или их союзников сарматов, воспользовавшихся осложнением обстановки на восточных окраинах Боспора.

Эпиграфические свидетельства подтверждают, что боспорские властители активно противостояли противникам по всему царству. О каком-то избавлении от опасностей при Рескупориде I повествуется в надписи из Пантикапея, так как члены одного из фиасов сделали посвящение Зевсу и Гере Спасителям (КБН. 76); во фрагменте надписи из некрополя Фанагории или Кеп говорилось, очевидно, о каком-то штурме при Рескупориде I, «взявшем» (ἐλόνησα) безымянный населенный пункт, возможно, одну из крепостей на Тамани, занятую неприятелем (КБН. 980); в надписи КБН. 1118 Рескупорид I назван благодетелем народа горгиппейцев, так как царь мог чем-то осчастливить их город, опять-таки устранив угрозу захвата его аланами. Война или войны с аланами и другими варварскими племенами, как и сопутствовавшие им разрушения на Северном Кавказе, произошли, по всей видимости, в последние годы правления Рескупорида I, о чем говорят его монетные серии (см. выше). Его сыну и наследнику Савромату I пришлось продолжать сражения, о чем свидетельствуют его монеты с победной символикой, а затем восстанавливать разрушенное, что показывают его надписи из Танаиса, Горгиплии, Фанагории, а также надпись его внука Реметалка из Гермонассы (КБН. 1052), в которых повествуется о реконструкциях оборонительных сооружений, ворот и башен после побед над аланами и скифами³². При этом, если ранее основу обороны царства составляли крепости-катоикии, то во II в. н.э. уже греческие города стали опорой его обороны. В этом просматривается определенное влияние Рима, что совсем не стыкуется с предположением о разрушении римлянами или под их давлением самим царем укреплений на Азиатском Боспоре. Напротив, археологические материалы убедительно указывают на проведение в конце I – начале II в. н.э. восстановительных работ на укреплениях хоры по всему царству. Если система крепостей на азиатском Боспоре была ориентирована на отпор сарматских племен с востока, то укрепленные поселения на европейском Боспоре были направлены преимущественно на отра-

³² Болтунова А.И. Греческие надписи из донских музеев // НЭ. 1965. V. С. 77; Спрыкин. Плиний Младший... С. 203; он же. Савромат I Боспорский. С. 90; Sпрыкин. Le roi Sauromate Ier... P. 47; см. также Блаватская Т.В. Фанагорийская надпись Савромата I // КСИА. 1976. 145. С. 92–97; Толстиков. Ук. соч. С. 54–65; Требелева. Ук. соч. С. 134 сл.

жение агрессии тавро-скифов и служили базой для организации походов вглубь Таврики³³.

Получив указания от Домициана и воспользовавшись временным умиротворением аланов, которым было определено наказание за войну с Рескупоридом I, чествуемый, как сказано в сткк. 13–15 энкомия, совершил поход через Таврику. О войне со скифами и о подчинении тавров говорится также в стк. 30. Трудно определить, имеется ли в виду одна и та же война или это два разных похода, но нам представляется, что это различные военно-политические акции. В сткк. 18–20 упоминается о том, что во время подготовки к походу в Таврику чествуемый заручился клятвами в верности со стороны царей тех племен, которые, как следует из предыдущих строк, собирались заключить соглашения с аланами (стк. 19–20: $\lambda\alpha\rho\acute{\alpha}\ \tau\omicron\nu\nu\ \beta\omicron\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\omega\nu\ \lambda\iota\sigma\tau[\epsilon\iota\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \tau\grave{\alpha}\ \omicron\rho\kappa\iota\alpha\ \lambda\alpha\beta\epsilon\iota\nu\ ?]$, ср. $\lambda\iota\sigma\tau\iota\nu\ \kappa\alpha\iota\ \omicron\rho\kappa\iota\alpha\ \lambda\omicron\iota\epsilon\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$, что означает заключить договор о доверии друг к другу, скрепленный клятвами в верности – Herod. IX. 92; Hom. II. 3. 269). Под этими «царями» могли подразумеваться цари тавро-скифов или сарматов, которые, как явствует из элогия Тиберия Плавтия Сильвана и одной херсонесской надписи, подошли к Херсонесу и были от него отогнаны римлянами (CIL. XIV. 3608; ср. IOSPE. I, ed. 2. 369). Тот факт, что, находясь в Херсонесе, чествуемый не военным, а дипломатическим путем отвратил «царей», очевидно, тавро-скифов и сарматов, от намерения заключить соглашение с аланами, свидетельствует о сохранении Скифским царством в Крыму некоторой самостоятельности и права вступать в договоры и союзы. Это значит, что скифы и тавры не были покорены боспорцами, а признавали их политическое господство и свою вассальную зависимость. Чтобы понять причину такого положения соседей Боспора, надо вернуться назад и проследить, как развивались отношения крымских скифов с Боспором, Римом и Херсонесом.

После того как при Аспурге в первой четверти I в. н.э. скифы и тавры были подчинены (КБН. 39; 40), но сохраняли самостоятельность в делах и союзах, будучи, правда, клиентами Боспорского царства³⁴, они могли несколько ослабить

³³ Горончаровский В.А. Греко-скифские взаимодействия на территории европейского Боспора в I–III вв. н.э. // Проблемы истории Крыма. Симферополь, 1991. Вып. 1. С. 39; на многих крупных укрепленных поселениях европейского Боспора, таких как Новоотрадное, Артезиан, Михайловка, Придорожное, Багероно Северное, Темир-гора, Либкнехтовка и других прослеживаются следы разрушений в конце I в. н.э. и в то же время остатки довольно значительных перестроек на рубеже I–II вв. н.э. (Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998. С. 234; он же. Сельские поселения европейского Боспора (Некоторые проблемы и итоги исследований) // БИ. 2001. Вып. 1. С. 97). Налицо попытка укрепить обороноспособность Европейского Боспора перед угрозой со стороны тавро-скифов и проникавших в Таврику сарматов, а также желание создать базу для расширения боспорского влияния в Крыму.

³⁴ В.М. Зубарь полагает, что Аспург не подчинил всех тавров и скифов Крыма, а ограничился включением в свое царство лишь тех из них, которые обитали в окрестностях Феодосии (Зубарь В.М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев, 2004. С. 139, 140). Глагол $\psi\lambda\omicron\tau\acute{\alpha}\sigma\sigma\omicron$ в надписях КБН. 39, 40 означает «подчинять, помещать ниже, т.е. ставить что-то на второе место, относить, причислять», что действительно не показывает полного подчинения Скифского царства в Крыму Боспору (см. Виноградов. Очерк... С. 154, 155). Но ведь Аспург и не покорял тавро-скифов, чтобы полностью интегрировать их в свое царство, а только ограничился водворением в Неаполе своего ставленника или ставленников (Раевский Д.С. К истории скифо-греческих отношений (II в. до н.э. – II в. н.э.) // ВДИ. 1973. № 1. С. 114–120; Виноградов. Очерк... С. 155). Это подразумевало большую долю самостоятельности скифских царей, о чем свидетельствует дар, вероятно, дипломатический, тарелки Гипепирии, поднесенной этим царям (или царю) в 37–38 гг. н.э. (Пуздровский А.Е. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. 2001. № 3. С. 102).

свою зависимость от боспорских правителей во время римско-боспорской войны 45–49 гг. н.э. Как результат, усилилось их давление на Херсонес, обусловленное также передвижениями сарматских племен в междуречье Днепра и Дона. После того, как скифо-тавры и сарматы вторглись во владения херсонесцев, но в середине 60-х годов н.э. были вынуждены под ударами римлян покинуть их пределы, Римская империя взяла под контроль бывшую хору Херсонеса до Сакской пересыпи и южное побережье Таврики в районе Харакса. Однако у скифов осталась большая часть их прежней территории в Предгорном и Центральном Крыму, доходившая до северной стороны современной Севастопольской бухты. Как только в 80-х годах н.э. из-за обострения обстановки на Дунае Домициан вывел свои войска из Крыма, а Боспор подвергся нападению аланов, тавро-скифы осуществили рейд в Восточную Таврику и разрушили укрепления на царской хоре Боспора. Но Боспорское царство добилось важной победы над аланами. Отражением этих событий стала, очевидно, серия медных монет с победными типами, выпущенная Рескупоридом I в конце его правления. Очень показательна монета с изображением царя, поставившего ногу на пленного варвара (рис. 2, 1), варвара на коленях, трофеем на аверсе и венком на реверсе (Анохин. Монетное дело Боспора. 379, ср. 377 – тип: курульное кресло – венок). Если вспомнить, что за победу над сарматами в конце 80-х годов н.э. Домициан поднес венок храму Юпитера Капитолийского (см. выше), то его вассал Рескупорид I мог в это время сделать то же самое за победу над аланами или скифо-таврами, тем более что в Пантикапее имелся пятиколонный храм Юпитера Капитолийского (см. Анохин. Монетное дело Боспора. № 370–372). Нельзя исключать, что на монете боспорского царя отражена победа его покровителя, римского императора, над сарматами, также врагами Боспора. Когда же чествуемый в энкомии деятель, внесший немалый вклад в эту победу, был принят у императора, а цари аланов наказаны за дерзость, после чего Боспор получил право протектората над владениями херсонесцев, да и над всей Таврикой, их цари пошли на сближение с владыками Боспора. Они заключили с Боспором договор о доверии, что было достигнуто усилиями чествуемого, и разрешили проход боспорского войска, предводительствуемого им же, в Херсонес. Однако, чувствуя, что аланы усмирены лишь временно, цари тавро-скифов решились пойти на союз с их вождями. Разумеется, подобное развитие событий было крайне опасно для Боспора и римлян, но римляне были далеко. Поэтому чествуемый в энкомии, применив всю свою дипломатическую смекалку, сумел не допустить заключения союзного договора аланов с тавро-скифами и, возможно, с сарматами-аорсами.

Почему именно Херсонес был выбран боспорцами, чтобы добиться срыва этого соглашения? Это объясняется тем, что император поручил боспорским властям опекать город и его хору после ухода римлян из Таврики, восстановив, очевидно, действие херсонесско-боспорского оборонительного союза. А главное – это сложившаяся в степях между Днепром и Доном новая этнополитическая ситуация, которая накладывала отпечаток на отношения Боспора и Крымской Скифии. К 60-м годам н.э. отдельные аланские племена уже доходили до Дуная (Sen. Thyestes. 630), а ко времени Плиния Старшего они уже обитали к северу от этой реки по соседству с роксоланами (Plin. IV. 80). Давление аланов на роксоланов и аорсов приводило к перемещениям кочевников и усиливало их грабительские нападения на римские границы в Подунавье. Эти передвижения затрагивали языгов, западных соседей Дакии и Паннонии, и роксоланов, обитав-

ших к востоку от этих римских провинций³⁵. Такое положение тревожило Домициана и заставило его пристально следить за событиями алано-боспорских войн. Сарматские памятники на юге Украины и в Молдове имеют в I – начале II в. н.э. отчетливые следы пребывания племен аланского союза: это погребения в курганных могильниках с преобладанием южной ориентировки, меотская и северокавказская керамика, фибулы и бронзовые колокольчики, наборы фаянсовых плакеток-скарабеоидов³⁶. Анализ погребальных комплексов сарматов показывает, что миграция новых орд кочевников-аланов началась около середины I в. н.э., ей предшествовало уничтожение ряда более ранних могильников в Подонье, что свидетельствует о массовых передвижениях сарматских племен на запад³⁷. Одна из волн этих миграций прокатилась по Боспору, по крайней мере по азиатской его половине, что нашло отражение в энкомии. Одновременно во второй половине I в. н.э. начинается усиленное проникновение в Крым сарматских племен. Эти варвары под архаическим названием «савроматы», если верить фрагменту херсонесского декрета (IOSPE. I, ed. 2. 369), совершали набеги на хору этого полиса вместе с тавро-скифами. Поэтому существует предположение, сейчас, после обнаружения энкомия, вполне оправданное, что скифы достигли соглашения с аланами о совместном проживании в Северо-Западном Причерноморье и отчасти в Таврике. Ряд воинских погребений конца I в. н.э. в Неаполе Скифском с ярко выраженными алано-сарматскими чертами, и среди них так называемое «погребение аланского военачальника», убедительно показывают возможность совместного проживания и военных акций скифо-тавров и сарматов, включая проникавших в Таврику аланов³⁸. На реальность такого союза намекают слова вышеозначенного херсонесского декрета ...[ν κοί Σαυροδότων κοί σ[υ?.....], в лагунах которого могли упоминаться тавры и скифы.

Все это недвусмысленно указывает на вполне реальную возможность соглашения скифов Таврики и аланских кочевников. В таком случае непосредственная опасность угрожала в первую очередь Херсонесу, очевидно, согласившемуся с римским планом опеки над ним Боспора и оттого пригласившим к себе чествуемого в энкомии боспорского полководца вместе с войском. Опасность от такого сближения грозила и самому Боспору, испытывавшему давле-

³⁵ Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 66, 67.

³⁶ Симоненко А.В. Связи сарматских племен Поднепровья и Подонья в I в. н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 2003. С. 39; Шукин М.Б. Некоторые замечания к вопросу о хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблеме ранних алан // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. 1. Новочеркасск, 1992. С. 117; Раев Б.А., Яценко С.А. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993. С. 121; Яценко. Аланы в Восточной Европе... С. 83–86; Габуев Т.А. Ранняя история алан. Владикавказ, 1999. С. 69–71.

³⁷ Симоненко А.В. Соотношение ранне- и среднесарматской культур в Северном Причерноморье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Вып. 2. Самара, 2000. С. 194–198; Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990. С. 204–211.

³⁸ Пуздровский А.Е. Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. 1999. № 4. С. 108–110; Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979. С. 202; Зубарь. Херсонес Таврический... С. 143–147; см. также Пуздровский. Политическая история Крымской Скифии. С. 104–106; Туаллагов А.А. Сарматы и аланы в IV в. до н.э. – I в. н.э. (Основные проблемы этногенеза и этнополитической истории). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Владикавказ, 2002. С. 16.

ние скифо-тавров и пережившему недавний конфликт с аланами. Под угрозой ставился и римский план защиты Херсонеса и в конечном итоге всего Крыма, поэтому боспорский полководец поспешил в Таврику и развил там дипломатическую активность по недопущению опасного сближения аланского союза и тавро-скифов. Из слов надписи следует, что он преуспел в этом, но, возможно, временно. Во всяком случае Скифское царство в Крыму осталось пока под влиянием боспорского протектората.

В стк. 15 заслуживает внимания выражение *καταλείπων μείζονα*. Глагол *καταλείπω* в своем первом значении переводится как «оставлять, покидать, сохранять, сберечь», и лишь во втором как «передать» (LSJ s.v.). В энкомии оно может означать, что чествуемый, покинув ставку более высокого, нежели боспорский царь, правителя, т.е. императора Домициана (в тексте явная парентеза *μέγαν > царь Савромат, μείζονα > император Рима*), отбыл с отрядом в Таврику и прибыл в Херсонес. Это объясняется благорасположением в то время крымских варваров к Боспору, поскольку чествуемый до похода взял с их царей клятвы на верность. Поход через Таврику планировался как дипломатическая и лишь во вторую очередь как военная акция.

О дате похода можно судить по замечанию автора энкомии: восхваляемый оказал содействие «нынешнему владыке Великому царю Савромату». Значит поход происходил не ранее 93 г. н.э., когда Савромат I вступил на престол. Скорее всего данная акция имела место в 90-х годах н.э. и, очевидно, до убийства Домициана в 96 г. н.э., поскольку автор энкомии напрямую связывает ее с посещением чествуемым ставки этого принцепса. На такую дату косвенно указывает последующий пассаж энкомии о том, что наш герой, пышно величаемый «Великим», приложил для успеха этого дела серьезные старания.

В связи с тем, что титул «друг цезаря и друг римлян» молодой Савромат I получил не сразу, а только ок. 97 г. н.э. (см. КБН. 42, 43), и был соответственно утвержден Римом не раньше этого времени, можно предполагать выполнение чествуемым обязанностей регента до 96/97 г. н.э. Монеты Савромата с царским титулом и портретом Домициана, которые он чеканил с 93 г. н.э., не препятствуют такому заключению, поскольку показывают, что он лишь наследовал трон у отца и был признан римлянами, но окончательно утвержден ими как царь Боспора не был. Получению титула *φιλόκαισαρ καὶ φιλόρωμιλος* = *amicus Caesaris principis Romani* предшествовало заключение договора о дружбе с Римской империей, а царю Боспора предоставлялись знаки чести – курульное кресло, венок, скипетр с бюстом императора, щит и копьё как символы власти. Монеты с курульным креслом чеканились обычно в первые годы вступления царя на престол³⁹. Однако в начале правления Савромата I мы видим только одну золотую монету от 93 г. н.э., выпущенную при Домициане, все остальные чеканились уже при Нерве и Траяне с 96 г. н.э. На медных монетах 93–98 гг. н.э. можно видеть только портрет, имя и титул самого царя, портрет Домициана, Нику, венок, бюст богини, городские ворота с фигурой пленного (рис. 2, 2, 7) – отражение побед в войнах с аланами, может быть еще при его отце Рескупориде, и военно-политических успехов в Таврике в начале последнего десятилетия I в н.э., достигнутых усилиями воспитателя царя. И лишь на монетах второй серии (98–103 гг. н.э.) на лицевой стороне появляется бюст Траяна с его именем и титулом, а на обороте царь, восседающий на курульном кресле или само кресло, скипетр, щит

³⁹ *Надзель Б.И.* Боспорская надпись IOSPE II. 33 // ВДИ. 1948. № 3. С. 212; *Цветова. Ук. соч.* С. 27; *Фролова.* Монетное дело Боспора. С. 142.

с копьем⁴⁰. Это доказывает получение Савроматом I знаков царского достоинства от римлян, что открывало для него возможность ставить на них легенду ΤΕΙ-ΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ, как и заключение с ними договора, позволившего ему величать себя «другом цезаря и другом римлян», не ранее вступления на престол Траяна. Что препятствовало этому раньше, неясно, возможно, политический кризис в самом Риме, заговор и убийство Домициана, переход власти к Нерве, а затем к Траяну, а быть может, несовершеннолетие царя, почему и дела на Боспоре вел его воспитатель-регент, чествуемый в нашем энкомии. Но во всяком случае, договор с Савроматом I и его официальное утверждение начал оформлять Нерва, а завершил процедуру уже новый император Траян. Следовательно описанные в энкомии события, происходившие в Херсонесе, могли случиться в самом начале правления молодого боспорского царя – в первой половине 90-х годов н.э.

В сткк. 22–29 восхваляются достоинства чествуемого как воспитателя (и регента?) царя Савромата I. Автор энкомия сравнивает его с кентавром Хироном, воспитавшим героя Ахилла, тем самым уподобляя молодого царевича прославленному герою Троянской войны, а его воспитателя возвеличивая за образ мыслей, благородство, почтение и заботу к подданным, которые он внушил будущему царю, ставшему Великим, как герой Ахилл. Здесь же отмечается, что чествуемый считал воспитанника-царя своим господином (стк. 26: κύριος), мифическими предками которого являлись Посейдон и Геракл. Это верноподданническое отступление, слегка затмевающее даже подвиги чествуемого в энкомии деятеля, показательно тем, что в нем отражены эллинистические традиции, сохранявшиеся при дворе боспорских царей в римскую эпоху.

Во-первых, это обращение к известному эллинскому мифу о воспитании Ахилла. В нем говорится, что мать его, Фетида, стремясь сделать своего сына неуязвимым и бессмертным, днем натирала амброзией, а по ночам закаляла огнем. Увидев это, отец героя, Пелей, выхватил Ахилла из рук матери. Оскорбленная Фетида покинула мужа и скрылась на дне моря у своего отца Нерея. Пелей же отдал сына на воспитание к кентавру Хирону, в пещере которого ранее сыграл свадьбу с Фетидой и многие олимпийские боги, в том числе Посейдон, одарили их разнообразными подарками. Мудрый кентавр выкормил Ахилла внутренностями диких зверей, обучил игре на кифаре и пению, охоте на львов и диких кабанов, быстроте и легкости бега, который помогал герою догонять оленей без помощи собак⁴¹. Во-вторых, упоминание Геракла и Посейдона среди предков царя, что стало официальной идеологией и отразилось в царской титулатуре с правления Рескупорида I, отца Савромата (см. КБН. 980, 1048), и позднее (КБН. 53). Эта тенденция восходит еще к Спартокидам, считавшимися потомками Евмолпа, сына Посейдона, позднее ею воспользовался Митридат VIII. Чтобы открыто обосновать независимость от римлян, он помещал на монеты трезубец Посейдона и палицу Геракла (*Анохин. Монетное дело Боспора, № 330*).

⁴⁰ *Анохин. Монетное дело Боспора. С. 154–157; Фролова. Монетное дело Боспора. С. 120–124: изображение городских ворот на меди Савромата I близко такому же изображению на монетах Рескупорида I, следовательно медь первой группы Савромата могла отражать победу в войне с аланами при его отце, когда прославился воспитатель молодого царевича, командовавший боспорским войском.*

⁴¹ *Миф об Ахилле, Хироне и Пелее см. у Гомера (II. XVI. 140–145) и Аполлодора (III. 13. 6). Хирон был гилпокентавром, воспитателем многих героев, в том числе Геракла, он жил в пещере в Фессалии, тренировал Ахилла и обучал его стрельбе из лука, посадил к себе на конскую спину (Westermann A. Mythographi Graeci. Brunsvigae, 1843. P. 365; Graves R. Les mythes grecs. P., 1967. P. 499).*

Возвращение к этой генеалогической легенде при Флавиях стало следствием некоторой самостоятельности Боспора по отношению к Риму, когда при Рескупориде I на монетах появляется полная легенда и имя царя, сменившие невыразительную монограмму. Но не вызывает сомнений, что легенда снова вошла в обиход не без разрешения римлян, предоставивших боспорцам при Домициане большую свободу действий⁴².

Сравнение правящего царя с греческим героем, ставшим бессмертным за свои деяния, примененное автором энкомия, выдает его прямое отношение к придворной историографии, предназначением которой было создавать и внедрять в сознание подданных культ обожествленного властителя, возвеличивая его дела и обосновывая мифологическими подробностями. Отождествление царя с Ахиллом, а его воспитателя или регента с Хироном живо напоминает стиль придворных историографов Митридата Евпатора. Согласно его биографам, воспитание царя в горах на лоне дикой природы якобы закалили его тело и дух, сподвигнув на великие деяния⁴³. Близкие черты имеются в сочинениях придворных историков Александра Македонского⁴⁴. Отголоском существования на Боспоре местной школы историков является рассказ Диодора о междоусобной войне сыновей Перисада I, а также отдельные пассажи о правлении Евмела, Археанактидов и ранних Спартокидов⁴⁵. Вполне возможно, что традиции историко-философского описания событий в Боспорском царстве, заложенные в эпоху эллинизма, сохранялись и были продолжены в римское время историками, творившими при дворе Тибериев Юлиев. Косвенно на это указывает сильно переработанный римскими новеллистами рассказ о Боспоре, скифах и аланах в Лукриановом диалоге «Токсарид», явно восходящий к какой-то местной традиции. Вполне возможно, что усилиями боспорского историка, работавшего при дворе царя, был составлен энкомий неизвестного по имени деятеля, жившего при Рескупориде I и Савромате I и бывшего одно время регентом при последнем.

Из некоторых фраз можно составить представление об этико-философских воззрениях автора энкомия. Это тема счастья и судьбы, очень популярная в литературных и философских кругах в эпоху ранней Римской империи. В тексте

⁴² Цветаева. Ук. соч. С. 18; Шелов. Римляне... С. 58; Блаватская. Фанагорийская надпись... С. 95; Толстиков. Ук. соч. С. 55; Сапрыкин. Царь Савромат I Боспорский. С. 93; Saprykin. Le roi Sauromace Ier... P. 50; Сапрыкин. Плиний Младший... С. 203; Фролова. Монетное дело Боспора. С. 83.

⁴³ Об этом см. McGing B. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986. P. 43–46; традиция об обучении царя на лоне дикой природы охоте и ездицичеству отражает греческую и иранскую систему воспитания молодых монархов в эпоху эллинизма; эта традиция применительно к юному Митридату восходит к биографии царя, составленной придворным историографом (Сапрыкин С.Ю. Природные катастрофы и явления в идеологии Митридата Евпатора // ВДИ. 1997. № 3. С. 89; Saprykin S. Naturkatastrophen und Naturerscheinungen in der Ideologie des Mithridates Eupator // Stuttgarter Kolloquium zur Historischen Geographie des Altertums 6, 1996. Stuttgart, 1998. S. 396 suiv.).

⁴⁴ Официальным придворным историографом Александра был Каллисфен, который стремился создать образ царя как греческого героя, пользовавшегося покровительством богов, а его сочинение было своего рода риторическим энкомием Александра (Hamilton J.R. Plutarch. Alexander. A Commentary. Oxf., 1969. P. 53; Маринович Л.П. Греки и Александр Македонский. М., 1993. С. 26).

⁴⁵ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 125 сл.; Жебелёв С.А. Источники для изучения истории античной культуры Северного Причерноморья // АГСП. С. 9; Сапрыкин С.Ю. Греческие государства в Причерноморье // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 189. См. также Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 203–207; Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968. С. 150.

надписи неоднократно говорится о счастье царя, которое тот обрел благодаря бескорыстной и верной службе усопшего, оно возвеличивало его и помогало в военных и государственных делах (сткк. 21–22). Победы над варварами изменили их дикий и необузданный нрав, они боялись посланной им в лице чествуемого судьбы, прислушивались к его слову победителя, т.е. склонились перед неизбежностью рока. В это понятие автор энкомия вкладывает обращение войны на пользу мира, а убеждение и слово ставит на первое место по сравнению с войной и силой. За это и за свою службу восхваляемый достоин любви, ибо доблесть сохранила для него счастье в полной мере со всеми милостями, а также расположение царской власти, что также делало человека счастливым (сткк. 31–33, 39–43). В надписи просматривается определенная доброжелательность к варварам. По мысли автора энкомия, сам восхваляемый действовал подобным же образом и оттого его слово для варварских народов, подданных Боспора, было законом (сткк. 29–35). Он умело пользовался тем, что предоставила ему судьба, и учил этому царя Савромата. Налицо приверженность автора энкомия к стоикам, выведившим на передний план силу духа человека, добродетели и доброту, отвагу, милость к побежденным, благожелательность, любовь и интерес к варварам, которых надобно привлекать к ценностям греко-римской цивилизации. Стоицизм в императорское время был особенно популярен у авторов сочинений о деяниях великих личностей вроде Александра Македонского, Митридата Евпатора, Юлия Цезаря, Агриппы и других. В римской риторической литературе часто разрабатывались проблемы доблести и удачи на примере великих людей⁴⁶. Эта тенденция также имеется у автора надписи о деяниях воспитателя или опскуна царя Савромата, что ставит его в ряд последователей этой школы историков.

Особенный интерес вызывает фраза в стк. 29: ἄλλα κ[αί...]νον αὐτῶι προθεῖς μελέτην ἐπὶ Ψεχανοῦς [...]). Псеханы, скорее всего, тождественны псессам, которые упоминались в титулатуре Спартокидов еще в IV в. до н.э. Впервые псессы были включены в нее при Левконе I, после того как он подчинил Синдику, поэтому они названы там вместе с синдами, дандариями, торетами (КБН, 6, ба, 1037, 1038)⁴⁷. Это недвусмысленно доказывает их местоположение на азиатском Боспоре по-соседству с синдами. Из сообщения Стефана Византийского, которое основано на сведениях Аполлодора, можно заключить, что псессы жили недалеко от Боспора (Steph. Byz. s.v. Ψησοί). Птолемей говорит, что они располагались за сиракинами (сираками) между Меотидой и Иппийскими горами (Ptol. V, 9, 17)⁴⁸. Их, очевидно, следует локализовать в районе так называемой Псои, которая была размежевана на участки-клеры при Евмеле, когда

⁴⁶ Об основных положениях греко-римского стоицизма см. *Асмус В.Ф.* Античная философия. М., 1976. С. 453–465; *Богомолов А.С.* Античная философия. М., 1985. С. 287; условие нравственного поведения – невозмутимость духа, совесть – награда за добродетельные поступки. Эти положения стоицизма Сенеки прослеживаются в тексте боспорской надписи, что подтверждает приверженность автора энкомия к римским стоикам. О римской биографической литературе, навеянной стоическими представлениями см. *McQueen E.I.* Quintus Curtius Rufus. Latin Biography. L., 1967. P. 33; о римской риторической литературе см. *Дуров В.С.* Художественная историография Древнего Рима. СПб., 1993. С. 90.

⁴⁷ *Власова Е.В.* Фрагмент посвятительной надписи из Нимфея // *Hyperboreus*. 1994/1995. 1/2. С. 135; *Соколова О.Ю.* Новая надпись из Нимфея (Предварительное сообщение) // *ДБ*. 2001. 4. С. 368 сл.; *Соколова О.Ю., Павличенко Н.А.* Новая посвятительная надпись из Нимфея // *Hyperboreus*. 2002. 8/1. С. 99–121.

⁴⁸ Плиний называет в числе меотов неких gnissi, коих пытаются отождествлять с псессами (Plin. VI, 7, 19), см. *Латышев В.В.* ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 66.

он в 309 г. до н.э. переселил на Боспор тысячу каллатийцев, бежавших во время осады Лисимахом их города (Diod. XX. 25: $\Psi\acute{o}\sigma\upsilon\kappa\alpha\iota\ \chi\acute{\omega}\rho\alpha\upsilon\kappa\alpha\iota$). $\Psi\acute{\eta}\sigma\sigma\alpha\iota = \psi\epsilon\chi\alpha\nu\acute{o}\iota$ и Псоя – этногеографические понятия азиатской части Боспора и Северного Кавказа, что подтверждает основа этих слов, соответствующая адыгейским лексемам – *ис*, *-исы*, которые означают «река», «вода». Их включает ряд названий рек в совр. Краснодарском крае в районе Восточной Меотиды: $\Psi\acute{o}\sigma\tau\iota\varsigma$ – совр. р. Протока или Ангелинский ерик, впадающая в Азовское море северо-восточнее Кубани (Ptol. V. 8. 2)⁴⁹, $\Psi\acute{o}\sigma\chi\alpha\iota\tau\iota\varsigma$ – река в земле зигов (Ps.-Ag. Perip. 58), т.е. к югу от Новороссийска, возможно, в районе Туапсе; р. Псоу на современной границе России и Абхазии. Эти названия объединяются одним корнем – адыгейским *исыхе* – «низовье», *исыгу* – «середина воды», «остров», *исухо* – «речная долина», *исыиу* – «побережье». Одного с ними корня и такое этногеографическое понятие как Алсны > Алсила, Алсила – древнее обозначение Абхазии. Это связывает псессов с синд-меотскими племенами и с более поздним автохтонным населением Северного Кавказа, родственным адыгам и абхазам, карачаево-черкесам (керкетам древних писателей).

После Левкона I псессы исчезают из титулатуры боспорских династов, поэтому Перисад I называл себя «царем синд и всех меотов и фатеев» (см. КБН. 1015 и др.). Было выдвинуто предположение, что во второй половине IV в. до н.э. псессы вышли из подчинения Боспору⁵⁰, хотя скорее всего их исчезновение из титулатуры тиранов вызвано ее упрощением после подчинения всей Синдик и большей части Меотики, когда незначительные синд-меотские племена просто скрывались под выражением $\kappa\alpha\iota\ \text{Μοῦτῶν πάντων}$ ⁵¹. Много позже при Аспурге псессы вместе с синдами, меотами, торетами, тарпитами и танаитами вновь попадают в титулатуру царя «всего Боспора и Феодосии» (КБН. 39, 40), что говорит о некотором изменении их статусного положения в государстве. Включение псессов в разряд «всех меотов» могло быть результатом расширения хоры Горгиипии при Евмеле, когда он размежевал на участки область расселения псессов – Псою в связи с поселением каллатийцев в Горгиипию. После падения Спартокидов и перераспределения полисной земли за счет увеличения царских земельных доменов при Митридатах и их преемниках, земли псессов попали в разряд царских и они, как и другие синд-меотские племена, стали управляться этнархом (Асандр, как известно, до того как стать архонтом, а затем царем Боспора, являлся одним из этнархов-«начальников» племени или группы племен). Это потребовало включить некоторые племена в царскую титулатуру.

Что произошло с псессами после Аспурга, мы не знаем, как не знаем и то, какую позицию они заняли в римско-боспорской войне при Митридате VIII. «Псаханы» появляются в надписях только в конце I в. н.э. при Савромате I. Этноним Psaccani > $\Psi\epsilon\chi\alpha\nu\acute{o}\iota$ засвидетельствован в Певтингеровой таблице в области близ Меотиды в районе Фанагории приблизительно во II–III вв. н.э. Некоторые полагают даже, что псаханы обитали на обширных пространствах между Волгой и Доном где-то в районе Маныча. По данным Певтингеровой карты они

⁴⁹ Яйленко В.П. Оливия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 298; Зубарев В.Г. Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула, 1998. С. 79.

⁵⁰ Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 219, 220.

⁵¹ Gajdukevič. Op. cit. S. 72; Молев Е.А. Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э. Нижний Новгород, 1997. С. 86; Тохтасьев С.Р. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (Обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. 3. С. 167: очень путанно и многословно о том, что уже говорилось ранее, проще и более убедительно; недоумение вызывает отсутствие ссылок на выводы других исследователей о том же, о чем высказывается автор.

сосуществовали с аспургианами и танаитами, но это не позволяет распространять ареал их расселения столь широко. Очевидно, псеханы занимали области в юго-восточной части Меотиды⁵². Можно лишь догадываться, что это название племени, тождественного псессам, хотя нельзя исключать, что это разные, но близкие по происхождению племена. В надписи из Гермонассы читаем: «(Статую) происходящего от Посейдона и Геракла, великого царя царей всего Боспора Тиберия Юлия Савромата, сына царя Рескупорида, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, совершившего поход против псеханов ([στρατεύσ]αντα <τα> κατὰ Ψεχανῶ[v...]), своего бога и спасителя, посвятил по обету ... сын Диофанта, пантикапеец» (КБН. 1048). На основании этого документа (а точнее взятого в скобки дополнение) В.П. Яйленко дал реконструкцию и трактовку трех фрагментарных фанагорийских надписей с упоминанием титулатуры Савромата I: в одной, найденной еще в 1973 г., он восстанавливал [τὸν ἄλλο Ποσειδῶνος καὶ ἄφ' Ἡρακλέους βασιλέα βασιλέων μέγαν Τιβέριον [Ἰούλιον Σαυρομάτην, υἱὸν βασιλέ]ως Ῥη[σκούρο]ρίδος... Ψεχα[νῶν...]; КБН. 980, которую ранее относили к Рескупориду I, он посчитал поставленной в честь Савромата I в ознаменование какой-то военной кампании, на что указывает слово ἔλδοντα; КБН. 981, которую ее комментаторы, ссылаясь на Б.Н. Гракова, датировали временем Савромата I, он на основе дополнения στρα[τεύσαντος...] связал с фанагорийскими и гермонасской надписями, в том числе сына Диофанта, и пришел к выводу, что все они поставлены вследствие победоносного похода царя Савромата I против псеханов, состоявшегося ок. 105–106 гг. н.э. после их нашествия на азиатский Боспор. Таким образом, с его легкой руки закрепилось мнение, что псеханы были враждебным Боспору племенем, которое появилось в его пределах из Адыгеи, вероятно, под давлением аланов⁵³.

Из всех надписей с упоминанием псеханов⁵⁴ подробно об их отношениях с Савроматом I говорят только гермонасская (КБН. 1048) и пантикапейская с текс-

⁵² Tab. Reut. VIII. 3–4; Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. С. 354.

⁵³ Яйленко В.П. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987. С. 45–49; он же. Поход Савромата I на азиатский Боспор // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990. С. 216–220; Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996. С. 27; Левченко Н.В. Эпизод правления Савромата I // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1999. С. 209–213; Анохин. История... С. 146; Руснева А.С., Зубарь В.М. Боспор Киммерийский: история и культура. Николаев, 1998. С. 73; Подосинов. Ук. соч. С. 354.

⁵⁴ К памятникам, упоминающим псеханов, Н.В. Левченко (Ук. соч. С. 211) предлагает добавить надпись из Танаиса (КБН. 1240) – по копии Грефа: Βασιλεῖ... τὴν εἰκ[όνα] ἀνέστησεν Ἐπιτυγ/χανῶν [τοῦ δεινός... / ὁ ἐπὶ τοῦ... / Ἐπὶ τῶν [...ἔτει], которую читает так:

[Ἀγαθῆι τύχηι. Τῶι ἐκ προγόνων βασιλέων]

1. βασιλεῖ, μ[εγάλαι] Τιβ. Ἰουλίωι Σαυρομά-
τηι νεική]σαντι στρατεύμα τὸ κατὰ Ψε-
χανῶν [ἀνέστησεν.....]

5. Ἐν τῶι.....

Реконструкция безусловно интересная, но спорная, так как от камня остался лишь небольшой фрагмент левой половины и неизвестно, сколько букв утрачено справа. Настораживает отсутствие патронимика и развернутого титула царя. Поэтому право на существование имеют оба варианта, как с восстановлением имени Эпитинханона, так и с псеханами, но при втором варианте неясно, а воевал ли вообще с псеханами царь Савромат I? Стк. 2 по аналогии с КБН. 32 и нашим энкомием можно дополнить и как [...ἔπ]ι τηι νεικήι [ἀπὸ τῶν Σκυθῶν? Ἀλανῶν? Ταυρῶν? καὶ μελέτηι κατὰ τῶν Ψε]/χανῶν. Во всяком случае о победоносном походе на псеханов по этой надписи говорить пока преждевременно.

том laudatio. Толкование первой основывается на словах ...σ]αντα τὰ κατὰ Ψε-
 χάνω[v?...τὸ]ν ἴδι[ον/ θεὸν? καὶ σῶ]τῆρα... в сткк. 6–7. К сожалению, надпись
 утеряна, восстановление можно проверить только по фотографии у В.В. Латы-
 шева⁵⁵. Сам он предлагал конъектуры [μικῆς]αντα или [τιμῆς]αντα и κατὰ Ψε-
 χάνων или κατ' Ἀψεχάνων, а далее восстанавливать текст не решался. Позднее
 он склонялся к чтению τὰ κατὰ Ψεχάνων, т.е. в стране псеханов (Comm. ad
 CIRB. 1048. P. 608). В.П. Яйленко, как говорилось (см. прим. 53), предложил
 [...στρατεύς?]αντα <τα> κατὰ Ψεχάνω[v...], т.е. совершившего военный поход
 против псеханов (племени). Н.В. Левченко, ссылаясь на Ю.Г. Виноградова, ко-
 торый по фотографии в ИАК. 1913. 47. С. 113. Рис. 10 в конце стк. 6 якобы су-
 мел вычитать буквы ΣΡΑΤΕ, предложила такое ее чтение: [μικῆς]αντα τὰ
 κατὰ Ψεχάνων στρατε[ύματα ἐαυτοῦ σῶ]τῆρα... – «одержавшего победы в по-
 ходах против псеханов...»⁵⁶. Однако текст в этом месте на камне настолько ис-
 порчен, что непонятно, как Виноградов сумел найти здесь эти буквы, я, напри-
 мер, тщательно пытался рассмотреть их на фотографии, но смог обнаружить
 только X (которую Виноградов принял за Σ), затем O или Ω, остатки P и A (как
 и Виноградов), а далее скол. А восстановление Левченко во многом основыва-
 ется на этом чтении и на предлагаемой ею же конъектуре сткк. 2–3 танаисской
 надписи КБН. 1240 (см. прим. 54), что уже само по себе недопустимо.

Для восстановления сткк. 6–7 надписи ... сына Диофанта из Гермонассы не-
 которую помощь может оказать стк. 29 laudatio: αὐτῶι προθεῖς μελέτην ἐπὶ
 Ψεχάνους [...]. Μελέτη в основном значении – «забота», «упражнение», «за-
 нятие», а глагол μελέτῶ всегда имеет оттенок «заботиться», «стараться»; в
 военном, не главном своем значении, это слово всегда сопровождается со-
 ответствующими глаголами, прилагательными и дополнениями, имея отноше-
 ние к проведению военной подготовки во время войны или в случае военной
 опасности (ср. Thuc. I. 18; II. 39; IG. II, ed. 2, 1028). С предлогом ἐπὶ оно дейст-
 вительно может означать «военные упражнения, занятия или военную подготов-
 ку против кого-либо», но, поскольку в этой строке надписи отсутствуют соответ-
 ствующие глаголы и дополнения, μελέτη ἐπὶ с винительным падежом показыва-
 ет, что царь, следуя рекомендациям своего опекуна (или воспитателя), занимался
 не военной подготовкой против псеханов, а был озабочен делами по отношению
 к ним, точнее проявил к ним заботу. Μελέτη ἐπὶ близко таким понятиям, как –
 ἡ ἐπιμέλεια – «попечение, «забота», «старание», ἐπιμελέομαι – «заботиться»,
 «иметь попечение о чем-либо», которые в боспорских и в иных документах отно-
 сятся обычно к почитительству о строительстве, восстановлении разрушенного,
 религиозных церемониях и вообще ко всякого рода мероприятиям вплоть до ор-
 ганизации городов и поселений⁵⁷, и практически никогда не связаны с военным
 делом и военными действиями⁵⁸. Поэтому переводить μελέτη ἐπὶ как «военное
 занятие, упражнение против псеханов» представляется в данном случае малоре-

⁵⁵ Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 1913. 47. С. 113, 114. Рис. 10.

⁵⁶ Левченко. Ук. соч. С. 211, 212.

⁵⁷ О значении этих слов в эпиграфических источниках см. Roussel P. Les épiméletes aitoliens à Delphes // BCH. 1926. 50. P. 124–134; Stauber J. Die Bucht von Adramytteion. II. // Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. Bd 51. Bonn, 1996. S. 20–23; Salomon N. Le cleruchie di Atene. Pisa, 1997. P. 159–162; об употреблении этих терминов в боспорских надписях см. Сапрыкин С.Ю., Куликов А.В. Новые эпиграфические находки в Пантикапее // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1999. С. 204, 205.

⁵⁸ Meisterhans K. Grammatik der attischen Inschriften, В., 1990. S. 175 suiv.

альным (это, очевидно, заставило Ю.Г. Виноградова в его кратком комментарии к тексту энкомия отказаться от мысли о военном решении дела псеханов). Учитывая все это, можно (с большой долей гипотетичности) предложить реконструкцию сткк. 6–7 гермонасской надписи: [μελετήσ]αντα τὰ κατὰ Ψεχανῶν χώρα[ν ἔθνη? / καὶ αὐτῶν σω]τήρα..., т.е. «позаботившегося о племенах в стране псеханов и их спасителя».

Такая характеристика царя Савромата I, отраженная на постаменте статуи, воздвигнутой неким пантикапейцем ... сыном Диофанта, скорее всего, одним из наместников в азиатской половине Боспорского царства, подтверждается некоторыми пассажами энкомия. Например, следуя явному варварофильству своего воспитателя, царь старался действовать больше убеждением, нежели силой, и потому снискал себе уважение подданных, как и его воспитатель, слово которого, и, разумеется, царя, для народов, «обитавших у Меотиды» (стк. 47), считалось законом и высшим непререкаемым авторитетом. Смысловые параллели между двумя надписями столь очевидны, что невольно встает вопрос, а не являлся ли пантикапеец ... сын Диофанта, поставивший статую своего благодетеля царя Савромата I в Гермонассе, поблизости от тех народов и псеханов, которые испытали на себе благодеяния суверена и его воспитателя-наместника, тем самым чествуемым в энкомии, которого похоронили на родине в столице Боспора?

Вопрос естественно, повисает в воздухе, но энкомий недвусмысленно даст понять, что никакой победоносной военной кампании против псеханов не было. Напротив, они находились под заботой царя и его чиновников-наместников. Это объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, в связи с нападением аланов на азиатский Боспор создавалась угроза перемещения других племен на восточных его границах и под ударом оказывались греческие города Синдики и Меотики. Поэтому параллельно с восстановительными работами по ликвидации последствий аланского нашествия в городах Савромат I осуществлял какие-то мероприятия по усилению своих варварских подданных меотского происхождения, чтобы они могли успешно противостоять аланам и другим сарматским племенам, подвижка которых на границах царства создавала военную опасность⁵⁹. В число этих «забот» царя могло входить строительство новых укрепленных поселений типа катойкий и восстановление старых, разрушенных аланами крепостей. А для этого следовало привлечь псеханов и родственные им племена на службу Боспору, закрепить их более менее прочное юридическое и административное положение в пределах царской хоры. Отсюда столь большое количество надписей с упоминанием псеханов из Фанагории и Гермонассы. Во-вторых, новое обострение на западных рубежах отношений со скифами и таврами, сближавшимися с продвинувшимися на запад аланами, и возложенная на Савромата I римлянами, покинувшими Тавриду, задача удерживать Херсонес и Предгорный Крым от нападений варваров, требовали стабильности на восточных кавказских границах Боспора. Это все обусловило благодеяния и заботу о псеханах и других племенах региона, пострадавших от агрессии аланских кочевников.

Стк. 30 энкомия свидетельствует, что положение в Крыму для Савромата I было отнюдь не безопасным: чествуемый «вел войну со скифами, подчинил тавров...». В начале II в. н.э. боспорские вельможи – начальники или наместники

⁵⁹ Угроза псеханам со стороны аланов была удачно подмечена только Н.Н. Болговым (Ук. соч. С. 27).

(οὐ ἐπὶ...) Парфенокл, АнTIMах и Прим? – посвятили в Пантикапее статую царя Савромата I богам – никефорам за победу над скифами (КБН. 32). Из этой надписи, а также из энкомия становится понятно, о каком военном походе (στρατ[εὺσαντος]) говорилось во фрагментарной надписи из Фанагории КБН. 981, поставленной в честь Савромата I. Это поход не против псеханов, а против скифов и тавров и, возможно, против аланов, проникавших с севера в Крым. Выше указывалось, что ранее чествуемый заключил с таврами и скифами договор и сумел недопустить их сближения с аланами. Однако позднее, уже после усиления Боспора на Северном Кавказе, согласно энкомию, восхваляемому пришлось снова идти в Таврику, на этот раз военным походом, поскольку тавры и скифы, надо думать, выказали неповиновение, нарушили договор с боспорцами и опять угрожали Херсонесу и западным рубежам Боспорского царства. Изучение дошедших до нас надписей с титулатурой Савромата I показало, что после успешных походов против скифов, тавров и аланов, после привлечения на свою сторону псеханов, царь Савромат стал величать себя «Великим царем», «царем царей», «Великим царем царей всего Боспора», и это произошло незадолго до 110/111 г. н.э.⁶⁰ Значит война со скифами и таврами могла происходить во второй половине первой декады II в. н.э., когда римских войск в Таврике еще не было (они появились в конце второй – третьей декаде столетия).

Любопытно, что автор энкомия четко различает понятия. Он говорит, что восхваляемый, а значит и его повелитель Савромат, [...Σκῦ]θαὺς ἐπολέμησεν, Ταύρους ὑπέταξεν – «вел войну со скифами, подчинил тавров», тем самым условно разделяя между собой результат этой войны. О победоносном ее завершении говорит надпись КБН. 32. Преемнику Савромата I, царю Котису II, в 123 г. н.э. – в первый год его царствования – пришлось опять воевать со скифами и одерживать над ними очередную победу, поскольку они отложились, вероятно, в последние годы пребывания у власти Савромата I (КБН. 33). Значит, в отличие от тавров, которых подчинили усилиями чествуемого и предводительствуемого им войска, скифы были только усмирены и должны были еще раз признать протекторат Боспорского царства, сохранив относительную независимость. Видимо, как и в первые годы правления Савромата I, тавры и скифы усилились вследствие союза с аланами. Об этом говорит так называемое «второе захоронение сарматского (аланского) военачальника» в Неаполе Скифском не позднее начала II в. н.э. В нем найдены короткий меч без перскрестия, амфора II в. н.э., бронзовая фибула, конская сбруя, бронзовые круглые бляхи с крестообразными украшениями. Это погребение справедливо связывают с победами Савромата I над скифами⁶¹, однако оно появилось не после этой победы, а до

⁶⁰ Сапрыкин. Царь Савромат I Боспорский. С. 89–94; он же. Плиний Младший... С. 202, 203; Левченко. Ук. соч. С. 214. О победе над скифами и о подчинении тавров свидетельствуют монеты Савромата I от 103–115 гг. н.э. с типом Ники на реверсе (рис. 2, 5) и сестерции с изображением крепостной стены с двумя фланкирующими башнями и коленапреклоненной фигурой пленного варвара со связанными за спиной руками (рис. 2, 2–3) (Фролова. Монетное дело Боспора. С. 244–259. Табл. XLVII, 15, 16; Анохин. Монетное дело Боспора. С. 155. № 415, 416 сл.). Считается, что это либо стены Неаполя Скифского, либо укрепления акрополя Пантикапея (см. Пуздровский. Политическая история... С. 108, там же литература вопроса; автор датирует войну в Крыму концом правления Траяна – началом принципата Адриана, что не совсем точно).

⁶¹ Об оживлении военно-политической активности скифов в начале II в. н.э. см. Граков Б.Н. Термин Σκῦθαί и его производные в надписях Северного Причерноморья // КСИИМК. 1947. 16. С. 87; Высотская. Неаполь. С. 202–204.

нее. На рубеже I–II вв. н.э. в степном и предгорном Крыму появляются впускные подкурганые погребения с небогатым инвентарем (Константиновка, Мамай-оба, Скалистое II), прекращается жизнь на поселениях в его северо-западном и центральном районах, включая городище Булганак. Сарматы и скифы обитали здесь компактно, но чаще происходило вливание сарматов в число обитателей скифских городищ и поселений⁶². Это способствовало сближению скифов и тавров с сармато-аланами, и, если следовать энкомии, представляло большую угрозу для Боспорского государства, вызывая военные конфликты с этими варварами.

Очевидно, после войны Савромата I с таврами и скифами ок. 110 г. н.э. были разграничены области контроля Херсонеса и Боспорского царства в Таврике: за херсонесцами осталась юго-западная часть приблизительно до Аю-Дага (Партенита), а за царем Боспора – южное побережье от Партенита до Феодосии. Жившие там тавры оказались в подчинении у Боспора и под контролем Херсонеса, союзника Боспора, а значит опять-таки под сюзеренитетом его царя. Тем самым в целом была выполнена задача по защите Таврики от кочевников, поставленная перед чествуемым в энкомии деятелем еще Домицианом, а позднее императором Траяном уже перед Савроматом I. Подчинение тавров позволило контролировать морской путь вдоль побережья и не допускать их пиратских нападений на суда, шедшие в Херсонес и на Боспор. Центральная Скифия и предгорья номинально признавали вассалитет Боспорского государства, но это, по-видимому, не остановило, а лишь замедлило процесс закрепления сарматов в Крыму, и стало причиной новых столкновений Боспора со скифами. Такое положение сохранялось до прихода римских войск в Крым и даже до конца II в. н.э., до очередной войны с тавро-скифами, когда после ее окончания пришлось заключать новый договор о владениях в Тавриде между римской администрацией и херсонесцами, с одной стороны, и Савроматом II, с другой⁶³.

В сткк. 33–35 чествуемый восхваляется как очень воинственный к врагам и терпимый к подданным, обладавший словом убеждения и тведостью к тем, кто выполнял его поручения («для повинующихся он закон!»). За это он был отмечен наградами и знаками достоинства, быстро продвинулся по карьерной лестнице, в основном военной. Знаки достоинства (τὰ δὲ δόξασημα) и вознаграждения (τῆς ἀμοιβῆς), которые получил восхваляемый за свою службу, автор надписи начинает перечислять с высшей его должности – хилиарха. Использование именительного падежа множественного числа χιλιάρχηα должно было, очевидно, означать, что чествуемый был в должности хилиарха не один раз. Как хилиарх он командовал войском в 1000 человек, в этой должности он мог одержать победу над аланами, затем дважды совершал походы в Таврику, и тогда, когда вел дипломатические переговоры с царями скифов и тавров, и когда ок. 110 г. н.э. предводительствовал в военном походе против них. Хилиархи неоднократно упоминаются среди воинских должностей в Боспорском царстве в императорскую эпоху. В 270-х гг. н.э. Фанн, сын Саклея, был хилиархом и начальником аспургиган (КБН. 36); в 216 г. н.э. хилиархом был Ульпий Антисфен, сын Антимаха (КБН. 53); в 249 г. н.э. Аврелий Родон, сын Лоллея, служил хилиархом и одновременно являлся начальником царских земель, к тому же он входил в сословие

⁶² Храпунов. Очерки этнической истории Крыма... С. 70–72.

⁶³ Зубарь. Северный Понт... С. 79; он же. Херсонес Таврический и население Таврики... С. 186. См. также Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 10, 11.

римских всадников (КБН. 58); хилиархом был назначен и некий Аврелий ...ос из Фанагории (КБН. 984); при Савромате II в число хилиархов вошел и Юлий Менестрат, о чем говорит надпись, обнаруженная в Тамани (КБН. 1049)⁶⁴. Хилиархи на римском Боспоре могли одновременно быть заместителями на царских землях, к которым причислялась и область расселения аспургин. Это восходит к традициям эллинистической эпохи, когда хилиарх – уполномоченный царем чиновник – управлял хилиархией, куда входили различные селения, имения и деревни-комы. Он собирал с их обитателей подать, поступающую в царскую казну, так как это была земля из категории царской, о чем известно из надписи Мнесимаха из Лидии времени Антигона Одноглазого⁶⁵. В случае войны хилиарх ставил их «под ружье» и самолично ими командовал. Таким образом, на Боспоре в римское время хилиархи осуществляли военное командование и управляли округами на царской земле, где жили военно-хозяйственные поселенцы, из которых многие были варварского происхождения.

Энокмий косвенно подтверждает, что чествуемый как хилиарх мог быть царским заместителем на азиатском Боспоре. В сткк. 46–47 сказано, что всегда он оказывался более великим, проявляя юношеский пыл, рассчетливо и воинственно, и для окружающих племен поставил себя законом. Это намек на сармато-мелитские племена, которые «живут у Меотиды и знают истоки...», очевидно, истоки крупнейших рек Боспорского царства – Кубани (Гипаниса-Антикита) и Дона (Танаиса). А слово *πολεμικῶς* показывает военный характер его деятельности.

Должность хилиарха всегда имела военный и политический аспекты. Греческий тактик Асклепидот (I в. до н.э.) оставил описание боевого построения позднеэллинистической греко-македонской фаланги, которая состояла из 16384 человек (цифра преувеличена, общее ее число вряд ли превышало 16000 человек). В ее основе лежала *syntagma*, которой командовал синтагматарх. Она делилась на два отряда – *taxeis* – под командованием таксиархов, каждый отряд – *taxis* – на две тетрархии под командованием тетрархов, каждая тетрархия – на две дилохии, или две филы, под управлением дилохитов, а дилохия подразделялась на два лоха, командирами которых были лохаги – должность, известная и на Боспоре. У персов, Александра и диадохов хилиархи считались видными и очень значимыми фигурами, они носили соответствующие регалии и занимали место рядом с царем. Хилиархом конницы «друзей» у Александра был Гефестион, после смерти которого царь никому эту должность не передал, чтобы имя ее командующего не забылось в войсках, а сама хилиархия именовалась бы Гефестионовой и имела

⁶⁴ Это, вероятно, представитель аристократической боспорской семьи, проживавшей на азиатском Боспоре, члены которой занимали ведущие должности в царской канцелярии еще с времен Аспурга; ср. КБН. 40 – Менестрат, сын Менестрата, начальник острова, поставил памятник своему спасителю и благодетелю царю Аспургу, сыну Асандроха; КБН. 1243 – при Савромате II пресбевт царя в Танаисе и архикойтонит (старший постельничий) Юлий Менестрат, тот же самый, который согласно таманской надписи позднее (или чуть раньше) был хилиархом, содействовал восстановлению разрушенной у танаитов башни; этот же человек в должности архикойтонита поставил памятник Савромату II в Фанагории, о чем рассказывает надпись на мраморном постаменте этой статуи, обнаруженной при раскопках затопленной части Фанагории в 2004 г. Возможно, к этому роду принадлежал Менестрат, сын Менестрата, грамматевс при царе Тейране (КБН. 36). Основатель рода Менестратов мог быть знатным боспорским греком еще при Юлиях Клавдиях, когда получил римское гражданство и право на римский родовой *gentilicium* «Юлий».

⁶⁵ *Buckler W.H., Robinson D.M. Greek Inscriptions from Sardes. I // AJA. 1912. XVI. P. 11–82; Ранович А.Б. Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии // ВДИ. 1947. № 2. С. 33–35.*

свое знамя (Ап. Апаб. VII. 14. 10). Следовательно хилиархи назначались царем. О важности и политическом оттенке должности хилиарха свидетельствует эпизод из посталександровской истории диадохов: в 319 г. до н.э. Антипатр, будучи при смерти, назначил эпимелетом царей и стратегом-автократором Полиперхонта, а своего сына Кассандра сделал хилиархом и вторым по значимости человеком в государстве. Положение и продвижение хилиарха (ἡ δὲ τοῦ χιλιάρχου τάξις καὶ τροχουρή) к славе и почету впервые произошло при царях персов, а при Александре Македонском носитель этой должности получил еще большую власть и славу, оттого Антипатр и назначил своего сына на эту должность (Diod. XVIII. 48. 4–5).

Таким образом хилиарх на Боспоре имел под командованием тысячу с небольшим пехоты или конницы, как в армиях эллинистических государств. Чествуемый как хилиарх, скорее всего, командовал увеличенной в два раза пентекосиархией, т.е. двумя синтагмами фаланги тяжеловооруженных воинов, объединенных в хилиархию. Однако боспорская армия строилась в первые века нашей эры по римскому образцу, сохраняя в основе греческий, точнее эллинистический принцип боевого построения. В этой системе хилиарх соответствовал по должности римскому военному трибуну легиона (Iv Olympria, 447)⁶⁶. Эллинистическая традиция проявляется и в том, что хилиархи на Боспоре назначались царем по рангу и состояли в ближайшем его окружении, занимая после него второе место. Они имели римские родовые имена, обладали римским гражданством, служили наместниками царя в различных регионах царства, а отдельные их представители входили во всадническое сословие римлян. В римской армии всаднический ценз был необходимым условием для получения должности военного трибуна, выше были только префект и легат⁶⁷. Отсюда понятно, почему хилиархи на Боспоре получали всаднический ценз, а восхваляемый стал воспитателем или даже регентом молодого Савромата I после неожиданной смерти его отца царя Рескупорида I, в 91–93 г. н.э. Столь высокая и почетная должность сделала его государственным человеком, позволив лично вести переговоры с римским императором от имени своего повелителя – царя всего Боспора.

С должностью хилиарха связана и награда чествуемого, которую Ю.Г. Виноградов реконструировал как στ[ρατοῦ ἀριστεί]/α χρύσεια. Однако удачнее дополнить в стк. 36 στ[εφανηφορί]/α χρυσεά, т.е. право ношения золотого венка, присужденного за победы в сражениях. Это был венок чести и почета, что подтверждается многочисленными надписями, где среди почестей обязательно упоминалось об увенчании чествуемых золотым венком. О таких венках свидетельствуют Геродот: δωρήσασθαι χρυσεῖνι στεφάνῃ τὸν κυβερνήτην (Herod. VIII. 118), а также надпись III в. до н.э. из Канона (OGIS. 56: πανήγοριν... συντελεῖν μετὰ στεφανηφορίας καὶ θυσιῶν). Венки за победу назывались νίκας στεφαν-

⁶⁶ Brandis C. Chiliarchos // RE. 1899. Bd III, 2. Hbd 6. S. 2275, 2276; о греко-македонской тактике и боевом построении боспорского войска при Спартокидах см. Блаватский В.Д. Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н.э. // ВДИ. 1946. № 1. С. 105; он же. Очерки... С. 87; Петерс Б.Г. Военное дело // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 188: сочетание боевого строя – фаланги и конницы не на фланге, а в центре боевой линии. Разгром конницы или ее бегство в битве с аланами, как можно вывести из начальных строк энкомия, привело к тому, что основной удар противника пришелся на тяжеловооруженную пехоту, стоящую строем. О командных должностях в боспорской армии в римское время см. Горончаровский. Между Империей и варварами... С. 18 сл.

⁶⁷ Smith R.E. Service in the Post-Marian Roman Army. Manchester, 1958. P. 61.

ηφορία (Eurip. Electra, 86. 2). Поэтому не исключено, что воспитатель-регент при молодом царе – хилиарх получил венки за победу над врагами Боспора, главным образом, варварами, – аланами, таврами и скифами, во время сражений с которыми он командовал войском⁶⁸.

Однако прежде чем добиться высших почестей в Боспорском государстве, чествусмый служил в качестве *πρόδοξ* *Θρακικοῦ τάγματος*. *Πρόδοξ* означает «выступление», «выход», «шествие впереди», переводится также как «передовой разведчик», «дозорный» (LSJ. s.v. *πρόδοξ*). В энкомии автор различает термины – командование (*ἡγεμονία*) и *πρόδοξ*. О военном значении этого термина свидетельствует Ксенофонт: "Ἦν δὲ δι' ἐπικινδύων ἐλάυνητε ποῦ, φρονίμου ἱπλάρχου τὸ τῶν πρόδοξων ἄλλους πρόδοξους διερευνομένους προηγεῖσθαι – «если твой путь лежит где-то среди опасностей, у опытного командира конницы другие разведывательные отряды идут впереди тех, кто из его же дозорных» (Хен. Eq. Mag. IV. 5). *Πρόδοξ* вряд ли мог быть командиром отряда – *τάγμα*, т.е. в данном случае Фракийской когорты, так как тагмой на Боспоре обычно командовал тагматарх (ср. КБН. 1213 – Горгиппия: ... сын Селевка, тагматарх). Чествуемый являлся, по всей видимости, не предводителем, а дозорным или командиром дозорного (разведывательного) отряда Фракийской когорты, у которой был свой командир. Скорее всего, это был конный разведчик, ибо у Арриана (Агг. *Acies contra Alanos*. I) в его описании построения римского войска говорится: «Во главе всего войска идти конным разведчикам, построенным по двое, со своим начальником». В римской армии это была особая часть – *numerus exploratorum*. Боспорское войско строилось по образцу римского, поэтому на Боспоре начальнику конных разведчиков императорской армии по должности вполне мог соответствовать *πρόδοξ*, именованный так по традиции, ушедшей корнями в греческую эпоху. Это мог быть также командир, который возглавлял авангард войска на марше или в бою и всегда выступал впереди остальных. Последнее косвенно подтверждается сообщением Суды о построении агемы – гвардии македонского войска (Suid. s.v. Ἀγεμα. τὸ προῖον τοῦ βασιλέως τάγμα...: «Агема – это отряд, идущий впереди царя...»). Этот отряд явно возглавлял командир – *proodos*, т.е. «идущий впереди». Следовательно, чествуемый мог служить командиром отряда из состава Фракийской когорты, который шел во главе колонны.

До недавнего времени⁶⁹ на римском Боспоре единственным свидетельством о воинском подразделении под названием «Фракийская когорта» служила пантикапейская надгробная надпись II в. н.э. (КБН. 666: Δίζα υἱὲ Βεΐθου, κεντυρίων ὁ κα[ί] πρίνκιψ στείρας Θρακῶν, καὶ γυνή Ἐλένη, χαίρετ[ε] – «Диз, сын Бифия, центурион и начальник отряда фракийцев, и жена Елена, прощайте!»). По поводу этой надписи развернулась дискуссия, являлась ли означенная фракийская спейра (когорта) вспомогательным соединением римской армии на Боспоре, или это местный отряд, набранный из фракийцев. Вопрос осложнялся тем, что в Ольвии не ранее первой половины II в. н.э. был расквартирован фракийский нумер дизуров (IOSPE. I, ed. 2. 223: Διζόζημις Σεύθου ἡγεμῶν Διζύρων).

⁶⁸ Прямым подтверждением этому служит изображение победного венка на монетах Рескупорида I с символом победы над варварами – царем, поставившим ногу на пленника (Анохин. Монетное дело Боспора. № 379), и на монетах Савромата I (рис. 2, 6–7) (Там же. № 416, 421: венок, в нем богиня победы Ника; ср. также № 419, 420 (венки, в нем голова богини Афродиты Урании Апатуры в калафсе), 422, 427, 440, 443, 445, 454, 456, 463, 466).

⁶⁹ Το Θρακικὸν τάγμα упоминается еще раз в одной из недавно найденных надписей из Танаиса, к сожалению, пока неопубликованной.

Высказывалось предположение, что он и фракийская спейра в Пантикапее – это вспомогательные римские отряды в Северном Причерноморье. На Боспоре они объединялись в V или VI Фракийские римские когорты, в особенности последняя, ибо в начале II в. н.э. она стояла в Подунавье и оттуда могла быть временно перебросена в Пантикапей⁷⁰. Группа исследователей предполагала, что надгробие относилось к ветерану I Фракийской конной когорты *Syriaca*, одну из частей которой возглавлял центурион⁷¹. Однако другая группа ученых склонялась считать «гегемона дизуров» представителем племенной организации фракийцев, которые состояли в военном отряде, набранном из фракийских элементов, поселенных в окрестностях Ольвии⁷². Позднее было выдвинуто убедительное предположение, что отряд дизуров попал в Ольвию при Митридате Евпаторе, а в надписи фигурирует наемник из Фракии или Малой Азии⁷³. Такой вывод позволил сторонникам боспорского происхождения Фракийской когорты предположить, что она состояла из наемников-фракийцев, которые служили в боспорском войске со времени Спартокидов или Митридата Евпатора, или из фракийцев, поселенных как катойки в Боспорском царстве. Они могли составлять отряды типа военной милиции⁷⁴.

Основные аргументы в пользу боспорского происхождения фракийской спейры следующие: неримское имя центуриона, если бы он был командиром римского подразделения, то непременно имел бы римские родовые имена, ибо центурионы были римскими гражданами. Спейра – воинская единица на Боспоре, командирами которой были центурион и начальник-принцепс спейры. Это подтверждает надгробие спираарха Гаттиона, сына Аристократа, из Пантикапее II–I вв. до н.э. (КБН. 263), а также сообщение Диодора о том, что в междоусобной войне Евмела и братьев участвовало 2 тысячи фракийских наемников (*Di-od.* XX. 22–25). *Syntagma*, основа эллинистической греко-македонской фаланги, тождественна *speira*, являвшейся ее греческой версией. В то же время спейра в римской системе соответствовала манипуле, самому маленькому подразделению легиона, или когорте⁷⁵. В организованном со времени Митридата VI на римский манер боспорском войске (ср. *Tac. Ann.* XII. 16) спейра – подразделение

⁷⁰ *Brandis C.* *Bosporos* // *RE.* 1897. Bd III. Ht 1. Hbd 5. S. 788; *Блаватский.* Очерки... С. 132, 133 (позднее В.Д. Блаватский стал склоняться в пользу боспорского происхождения отряда, исходя из того что принцепс – это «начальник отряда» в боспорской армии (*Блаватский В.Д.* *Античная археология и история.* М., 1985. С. 244; *Gajdukevič.* *Op. cit.* S. 352).

⁷¹ *Герасимова В.* Дислокация на римские помощники войска в провинция Мезия от 44 до 86 г. н.э. // *Археология.* 1970. № 4. С. 25; *Цветева.* Ук. соч. С. 39.

⁷² *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901–1903 годов) // *ИАК.* 1904. 10. С. 15; *Ростовцев М.И.* Святилище фракийских богов и надписи бенфициариев в Ай-Тодоре // *ИАК.* 1911. 40. С. 39. Ср. *Mateescu G.G.* *Nomi traci nel territorio scito-sarmatico* // *Ephemeris Dacoromana.* II. Roma, 1924. P. 223 *suiv.*

⁷³ *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. М., 1989. С. 255; *Крыкин С.М.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993. С. 249, 250.

⁷⁴ *Латышев.* Эпиграфические новости... С. 15; *Ростовцев.* Святилище... С. 39; *Крыкин.* Ук. соч. С. 250–253; *Зубарь.* Северный Понт... С. 82–84; *Горончаровский.* Между Империей и варварами... С. 23.

⁷⁵ *Connolly P.* *Greece and Rome at War.* L., 1981. P. 77; в структуре римских армейских должностей за префектом (или эпархом) когорты (спейры) следовал военный трибун (хилиарх), см. *AE* 1888, № 173; *Domaszewski A. von.* *Die Rangordnung des Römischen Heeres.* Wien, 1981. S. 130.

боспорской армии, а не римская когорта или манипула⁷⁶ – была тождественна синтагме, одной из единиц которой выступала тагма. Следовательно, спейрарх по рангу соответствовал синтагматарху, под началом которого было 256 человек, а центурион – командир римской центурии в 100 с небольшим солдат приближался по значению к тагматарху, командиру 1/2 синтагмы. Вполне возможно, что спейрарх – это римский *principes* или *princeps* – командир спейры после реорганизации войска по римскому образцу.

Из всего этого следует, что *στῆρα Θρακῶν* и ее подразделение *τὸ Θρακικὸν τάγμα* это не римские, а боспорские воинские единицы. Причем не милиция и не подобие царской гвардии, появившейся в результате прибытия фракийской царицы Гипепирии в Пантикапей после женитьбы на ней Аспурга⁷⁷, а постоянное боевое подразделение царской армии Боспорского государства, состоявшее из фракийских наемников либо из фракийцев, поселенных на царских землях военно-хозяйственных поселенцев. Ее боевая, а не охранная функция, подтверждается включением в состав дозорного или разведывательного конного отряда под началом *proodos*, подчинявшегося тагматарху (= центуриону), а через него спейрарху (= принцепсу или синтагматарху). Свое начало она вела еще с эпохи Спартокидов.

Следующим этапом военной карьеры чествуемого была *τῆς ὀπλε[ιτῶν τάξεως] ἡγεμονία* в восстановлении Ю.Г.Виноградова, т.е. «командование строем гоплитов». Однако полагаем здесь уместнее *τῆς ὀπλε[ιτικῆς τάξεως] ἡγεμονία* с характерным для Боспора первых веков нашей эры написанием гласного *i* через *ei* (ср. КБН. С. 804 о передаче дифтонга *-ei* через *-i*). Это показывает, что восхваляемый предводительствовал гоплитским отрядом, составлявшим часть фаланги. Основанием для такого дополнения служат сообщения Ксенофонта: *οἱ ὀπλιτικοὶ τάξεις* – «он (Агссилай) назначил награды тем из тяжеловооруженных отрядов...» (Хеп. Нелл. III. 4. 16); *ἡμῶν δὲ ὀπλιτικὸν μὲν ἦν.....* – «ведь у нас были только гоплиты...» (Хеп. Анаб. VII. 6. 26). Здесь *τὸ ὀπλιτικόν* = *οἱ ὀπλιτοὶ* – тяжеловооруженная пехота, фаланга гоплитов, основа военного строя греческой армии. Гоплиты составляли фалангу тяжеловооруженной пехоты в войсках эллинических полисов с эпохи архаики, а на Боспоре греческие города имели свои ополчения граждан, которые формировали фалангу гоплитов в дорогостоящем тяжелом вооружении. С IV в. до н.э. греческая фаланга гоплитов состояла из наемников, в том числе и находившихся на службе у Спартокидов. В состав тяжеловооруженной пехоты при Левконе I входили аркадяне (КБН. 37), а у Сатира II это были наемники из разных мест Эллады (Diod. XX. 22). В результате совершенствования греко-македонской фаланги при Эпаминонде, Филиппе II и Александре, она успешно координировала с конными отрядами и стала более мобильной.

Синтагма, основная единица эллинистической позднемакедонской фаланги, подразделялась на два отряда или строя – *τάξεις* – каждый под командованием таксиарха, должность которого предшествовала хилиархии⁷⁸. Таксиарахи как

⁷⁶ Зубарь. Северный Понт... С. 250–253.

⁷⁷ Крыкин. Ук. соч. С. 252; SEG 1995. XLV. P. 247, 248; Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Mainz, 1997. S. 63, 64.

⁷⁸ Connolly. Op. cit. P. 69–78; о фаланге гоплитов на Боспоре см. Блаватский. Битва при Фате... С. 101–103; он же. Очерки... С. 70–74. При Александре и позднее строй греко-македонской фаланги вглубину составлял 16 гоплитов (см. Pritchett W.K. Ancient Greek Military Practices. Pt I. Berkeley–Los Angeles–London, 1971. P. 134–138).

командиры гоплитских отрядов в составе фаланги граждан или наемников в греческих полисах Причерноморья засвидетельствованы в Месембрии (IGB. I, ed. 2. 325, I в. н.э.) и Истрия (ISM. I. 121, II в. до н.э.). В римскую эпоху, как явствует из описания Аррианом построения римской армии при наместнике провинции Каппадокии, словом *τάξις* обозначали колонну с четырьмя гоплитами в ряд, причем в состав тяжелой пехоты входили гоплиты из греческого города Трапезунда (Arr. *Acies contra Alanos*. 4; 7). На этом основании можно предположить, что чествуемый служил командиром колонны гоплитов, построенной на римский манер, но сохранявшей строй эллинистической фаланги в количестве 16 тяжеловооруженных воинов. В составе его отряда могли быть наемники, а также представители ополчения граждан одного или нескольких боспорских городов, как это было в колонне римского наместника в Каппадокии, куда входили трапезундцы. Но в надписи не говорится, что чествуемый являлся таксиархом, его позиция поименована как *ἡγεμονία*, т.е. «командование», «предводительство». Очевидно, под его водительством был отряд гоплитов не полисного, а царского войска, куда могли входить отряды из городов Боспора, но они подчинялись царским командирам.

Таким образом, энкомий показывает не последовательный ряд военных должностей, а лишь отдельные этапы военной карьеры чествуемого, когда он проявлял себя наиболее ярко. В конце концов он стал хилиархом и предводительствовал войском, той же фалангой, в битве с аланами на азиатском Боспоре. В этой должности он командовал походами в Таврику. Именно опыт, приобретенный за годы командования разными подразделениями фаланги, помогли чествуемому в трудных условиях разгрома конницы сохранить строй и переломить ход сражения с аланами в свою пользу. Энкомий свидетельствует, что в боспорских войсках императорского времени, несмотря на римское вооружение и структуру, соблюдали традиции эллинистической эпохи, в частности, сохранили фалангу тяжеловооруженных пехотинцев-гоплитов, не вытесненную легковооруженными пехотинцами-пелтастами. Она успешно взаимодействовала с сарматской конницей и в ее ряды могли вливаться гражданские ополчения греческих городов, которыми командовали свои стратеги. Мы знаем о стратегах граждан в Танаисе (КБН. 1237, 1256), Горгиппии (КБН. 1134, 1141, 1179), Пантикапее (КБН. 382, 827), где был даже специальный участок некрополя для их захоронения.

В надписи вообще отчетливо проступают эллинистические черты при дворе царя, в характере войска, в отношениях с варварскими подданными, в господствующей идеологии. Она является важным доказательством взаимоотношений с окружающими племенами, которые вряд ли строились на основе активной сарматизации, как считалось ранее. Отношения боспорцев с сармато-меотами и прочими варварами связаны с прямой эллинизацией последних, что открывало возможность включать их в число подданных царей Боспора и ликвидировало потенциальную угрозу его границам. При этом цари и их ставленники на периферии действовали больше убеждением, нежели силой. Политика, направленная на превращение Боспорского царства в сильное эллинистическое государство, напрямую поощрялась римлянами. Она давала возможность расширять боспорские владения в Центральном и Юго-Западном Крыму, осуществлять протекторат над Херсонесом, скифами и таврами.

LAUDATIO FUNEBRIS FROM PANTICAPAEUM

[Yu. G. Vinogradov], S. A. Shestakov

ENCOMION FROM PANTICAPAEUM AND THE HISTORY OF THE BOSPORAN KINGDOM ON THE TURN OF THE 1st AND THE 2nd CC. AD

S. Yu. Saprykin

The articles are prepared as the publication of an important inscription found in 1985 in Panticapaeum on the territory of its necropolis. It was reconstructed by J.G. Vinogradov, who did not publish it, but only made a brief report on the contents of this document. The full publication has been made by S. Saprykin after Ju. Vinogradov's death. The inscription concerns the political and military career of an unknown statesman who lived during the reign of the Bosporan kings Rhaescuporis I and his son and successor Sauromates I. From this inscription we can see that the man to whom this *laudatio funebris* belonged, was a tutor or probably a regent of the young King Sauromates I, called in the inscription «the Great King». The king is compared with the hero Achilles, his ancestors were Heracles and Poseidon. According to the epigraphic and archaeological evidence, the buried man's activities took place in the early 90s AD during the rule of the Roman emperor Domitian, who was murdered in 96 AD and damned. In the inscription he is called simply «the former Caesar». Being a commander of the hoplites' unit, the honored man won a victory over the Sarmatians-Alans and after that was called to the emperor's court, when Domitian was presumably in Moesia. Emperor Domitian accused the Alans and inspired the general (who was *khiliarkhos* by that time) to arrange a military expedition to Taurica against the Scythians and the Taurians. When he came to Chersonesus Taurica, he managed to turn the local kings from concluding a treaty with the Alans, which was against the interests of Rome. During his career, the honoured person organized another military campaign against the Taurians and the Scythians, inspired the king to do something good for the Psechani, a Caucasian tribe near the Maeotis and did much benefits to other tribes of the region, who took his words orders as if they were a law. The encomion was composed by a royal Bosporan biographer in accordance with Hellenistic traditions around the first or second decade of the 2nd c. BC.